

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский государственный технический университет»

На правах рукописи

Комф Евгения Валентиновна

**ОРГАНИЧНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор Игнатъев Владимир Игоревич

Новосибирск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	13
1.1. Модернизация как стадия и способ исторического развития локальных социумов.....	13
1.2. Органичность как самоорганизация.....	28
1.3.Органичная модернизация: от конфликтного симбиоза социальных субъектов к динамичному симбиозу и синтезу	35
ГЛАВА 2 ОРГАНИЗАЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ.....	59
2.1. Субъекты и субкультуры модернизации России	59
2.2. Самоорганизация как нераскрытый потенциал органичной модернизации современного российского социума.....	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	103
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	106

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Актуальность изучения модернизации как вида социальной трансформации вызвана неоднозначностью трактовок результатов модернизации в различных странах. В настоящее время далеко не в полной мере сформулированы теоретико-методологические основания разработки и анализа модели наиболее успешного варианта модернизации российского общества. Представляется, что это, прежде всего, связано с недостаточной разработанностью в теориях социального развития концепции модернизации как особого вида качественного изменения общества в целом.

Отечественными и зарубежными исследователями были предприняты многочисленные попытки изучения модернизации с акцентом на выявлении внутренних факторов развития социума. Однако на сегодняшний день не существует концепции, последовательно описывающей механизм данного вида социальной трансформации с точки зрения целостного подхода как одного из важнейших компонентов социально-философского анализа, что предполагает учет всего комплекса условий происходящих изменений и рассмотрения взаимодействия всех компонентов общества как целостной системы. В теориях социальных трансформаций, исследующих механизмы различных количественных и качественных социальных изменений, отсутствует специальный социально-философский анализ родовидового различия между трансформацией и модернизацией, а также не изучено различие между модернизацией как одним из всеобщих видов социальных трансформаций и ее особой исторической формой – органичной модернизацией.

Степень разработанности проблемы.

Проблема изучения модернизации как особого вида социальной трансформации непосредственно присутствует уже в трудах первых теоретиков модернизации. В работах Д. Э. Аптера, Д. Лернера, М. Леви, Дж. О'Коннела, С. Блэка, Ш. Эйзенштадта производится концептуальное развертывание понятия модернизации. Они трактуют процесс смены одной социальной формы другой как процесс приближения к наиболее прогрессивной модели модернизации в странах Западной Европы и копированию и встраиванию этих образцов модернизации в страны модернизируемые. В таких теориях модернизация рассматривается как универсальный процесс, который должен быть пройден всеми «отстающими» обществами. Так были разработаны модели вестернизации и модель «догоняющего» развития. Но уже в работах Э. Тириакияна, П. Штомпки, В. Цапфа, С. Хантингтона, Д. Рюшемейера, Р. Бендикса, Б. Мура происходит переосмысление концепции модернизации в направлении признания многовекторности этого процесса и возникновения многообразных форм трансформирующихся обществ. Все больше внимания уделяется учету значимости социального субъекта как основного агента в ходе социальных преобразований, а также процессам самоорганизации в обществе. Впоследствии возникает теория path-dependence (К. Поланьи), которая описывает процессы социальных изменений в обществе через призму зависимости от предшествующего экономического развития. Тем самым, модернизация предстает как некий повторяющийся цикл, прохождение которого неизбежно при очередных попытках модернизации. При этом за пределами социального анализа оставался подход к описанию процессов изменений в обществе как процесса комплексного и целостного, обусловленного взаимодействием внутренних и внешних факторов, но прежде всего, внутренних. В дальнейшем попытки описать подобный вид социального изменения, а также сконструировать его теоретическую модель, прослеживаются в ряде работ отечественных исследователей. Тем не менее, понятие и концепция органичной модернизации на сегодняшний день остаются неопределенными и неразработанными в социально-

философских и теоретико-социологических трудах отечественных и зарубежных исследователей. Хотя этот термин использовался в ряде трудов, прежде всего, отечественных авторов. Мы можем встретить его в работах В. Г. Федотовой, В. А. Красильщикова, Д. В. Трубицына. В. Г. Федотова и В. А. Красильщиков характеризуют органичную модернизацию как процесс, имевший место в ряде стран Западной Европы и Северной Америки. Д. В. Трубицын придерживается взгляда на органичную модернизацию как на процесс развития, в котором смена социальных форм происходит через разрешение внутренних противоречий. В настоящее время ряд отечественных исследователей продолжает заниматься разработкой и уточнением модели модернизации, применимой для современной России. Среди них А. А. Аузан, С.Н. Гавров, В. Л. Иноземцев, О.А. Кармадонов, Н. И. Лапин, С. А. Кравченко, В. В. Лапкин, Н. С. Розов, В. А. Тамак, Н. Е. Тихонова, Д. В. Трубицын, В. Г. Федотова, К. А. Феофанов, О. Н. Яницкий. В этой связи является актуальным дальнейшее исследование механизмов, факторов и условий, при которых возможно изменение общества в целом при переходе к качественно иному состоянию, затрагивающему всю социокультурную систему, а не только технологическую сторону процесса развития. Особое место должен занимать учет «субъектности» в исследовании процесса модернизации как основного источника возникновения и формирования нового качественного состояния общества. Социальные субъекты (социальные множества) – общности, слои, классы – представляют собой совокупности действующих индивидов, носителей образцов групповых практик, выступающих через активность включенных в них индивидов как первичные источники и факторы существования, саморазвития и зарождения новых социальных форм. Без учета «фактора субъектности» теоретическая картина целостного, качественного изменения общества выглядит лишенной главного – активной деятельности индивидов, а участники процесса – индивиды, общности и классы – предстают как безликие, безвольные, «бессубъектные» акторы-абстракции, функции, производные от социальной «Системы». Действительных творцов социальных трансформаций в объяснительных теоретических моделях зачастую замещают

моделями априорных идеологических схем, в которых есть единственный творец всего многообразия социальной жизни – стоящая над ней «Система». Поэтому субъектный подход к пониманию процессов изменений в обществе необходим для выявления и объяснения происхождения предпосылок особого – органичного – вида социального изменения. Однако они еще далеки от завершения всестороннего социально-философского и теоретико-социологического объяснения причин того, что во всемирно-историческом процессе успешная модернизация, состоявшаяся на основе раскрытия, прежде всего, многообразных внутренних ресурсов отдельных обществ – как «органичная» модернизация, – скорее исключение, чем правило. Обнаружение механизмов и социальных сил, прежде всего, внутренних, как способствующих, так и препятствующих раскрытию всего внутреннего потенциала общества в период, когда оно подошло к стадии качественной трансформации, – и есть **научная проблема диссертационного исследования.**

Объектом исследования является социальная модернизация.

Предметом исследования выступает органичная модернизация как вид социальной трансформации.

Цель диссертационного исследования – выявить специфические черты органичной модернизации, ее социальных субъектов и условия их формирования.

Задачи исследования:

1. Уточнить основные характеристики модернизации как вида социальной трансформации и типологию видов модернизации.
2. Разработать исходные положения концептуальной модели органичной модернизации на основе применения понятийного аппарата системного и синергетического подходов, выявить условия органичного развития общества, возникновения органичной модернизации и роль социальных субъектов в этом процессе.
3. Охарактеризовать формы взаимодействия социальных субъектов в процессе органичной модернизации, их роль в создании форм самоорганизации общества.

4. Выявить виды субъектов и субкультур модернизации в различные периоды российской истории на основе изучения опыта модернизации в России периода XVII-XX веков и определить доминирующий вид модернизации в России периода XVII-XX веков.

5. Выявить наличие социального потенциала для осуществления органичной модернизации в современной России.

Гипотеза. Возникновение органичной модернизации обусловлено, прежде всего, формированием в отдельном обществе особой конфигурации социальных субъектов изменений и соотношением потенциалов их социальных сил. Это определяется способностью каждого из них в данный период исторического времени максимально раскрывать потенциал своей социальной активности, направленной либо на сохранение, либо на трансформацию традиционно сложившихся форм социальной жизни, а также способностью идти на компромиссы и налаживать отношения кооперации и солидарности даже с разнонаправленными социальными силами.

Теоретико-методологические основания исследования:

- теория социальных изменений П. Штомпки;
- теория модернизации Б. Мура;
- исследования по системному подходу и системной методологии (А. М. Миклин, В. А. Подольский, М. Ю. Казаринов, Л. А. Петрушенко, В. Н. Южаков, М. И. Сетров, В. П. Кузьмин, В. Н. Садовский, Н. В. Блауберг, Э. Г. Юдин);
- концепция системно-генетической динамики социума (В. И. Игнатъев);
- категориальный аппарат системного подхода: целое, целостность, развитие, самодвижение, самоорганизация, система;
- элементы синергетической методологии: выявление социальных бифуркаций, нестабильных состояний и агентов альтернатив трансформаций;
- сравнительно-исторический метод применяется для выявления субъектов модернизации и присущих им характеристик в различных странах;

– анализ и синтез позволяют разработать основания концепции «органичной модернизации» и обосновать ее как особый исторический вариант модернизации и вид социальной трансформации.

Новизна исследования состоит в следующем:

1. Выявлены основные отличительные характеристики модернизации как вида социальной трансформации: универсальность процесса модернизации; многовариантность процесса изменений; разнонаправленность протекания процесса; полнота охвата общества процессом модернизации; качественное обновление общества в целом; эндогенность/экзогенность источника изменений.

2. Установлено, что органичная модернизация есть обновление общества в целом преимущественно на основе самоорганизации социальных субъектов, благодаря чему происходит переход социальной системы в новое качественное состояние. Органичная модернизация представляет собой особый, социальный вид универсального процесса самоорганизации, частный случай саморазвития сложных систем, источником которого выступают элементы особого типа – самоорганизующиеся сообщества индивидов, сущность которых состоит в их субъектном бытии, что делает их собственно социальными субъектами.

3. На основании проведенного сравнительного анализа образцов модернизации различных стран в определенные исторические периоды выявлены и проанализированы образцы поведения и взаимодействия социальных субъектов в процессе органичной модернизации: 1) их конфликтный симбиоз и 2) динамичный симбиоз и синтез.

4. Выявлены и уточнены виды субъектов модернизации России в период XVII-XX вв.: адаптационные и модернизационные. Определен доминирующий способ модернизации российского общества в период XVII-XX вв. – мобилизационный способ.

5. Выявлены субъекты органичной модернизации в современном российском обществе и дана характеристика их типов поведения: реформистское и модернизационное.

Положения, выносимые на защиту:

1. Все общества в своем развитии проходят через универсальную стадию трансформации – модернизацию. Основными отличительными характеристиками модернизации как вида социальной трансформации являются: универсальность процесса модернизации; многовариантность процесса изменений; разнонаправленность протекания процесса; полнота охвата общества процессом модернизации; качественное обновление общества в целом; эндогенность/экзогенность источника изменений. Можно выделить два вида модернизации: мобилизационная модернизация и органичная модернизация. *Мобилизационная модернизация* – неэволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно насильственного привнесения новых социально-экономических форм и моделей поведения субъектов, в сочетании с неполным и неэффективным использованием эндогенного потенциала общества, результатом которого является деформация различных социальных структур. *Органичная модернизация* – эволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно ненасильственного воздействия с опорой на внутренний потенциал общества, его самоорганизацию, результатом которого является появление новых социальных форм организации, образцов практик и субъектов нового исторического типа.

2. Органичная модернизация общества как вид социальной трансформации представляет собой качественное и целостное изменение общества на основе интенсивного возрастания процессов саморазвития и самоорганизации, инициаторами которых являются наиболее активные и инновационно действующие субъекты, образующие общности. Механизм действия субъектов в процессе органичной модернизации определяет такой способ саморазвития системы, вследствие которого происходит замена отживших социальных форм.

3. В процессе органичной модернизации различные социальные субъекты – общности – реализуют способы взаимодействия на принципах,

которые могут быть охарактеризованы как *конфликтный симбиоз социальных субъектов* и их *динамичный симбиоз и синтез*. *Конфликтный симбиоз социальных субъектов* – это форма сосуществования противоборствующих социальных субъектов, при которой они формально интегрируются таким образом, что сосуществуют либо в состоянии перманентного конфликта, либо через вытеснение одних другими и изменение места в социальной структуре; *динамичный симбиоз и синтез социальных субъектов* – это форма их сосуществования, при которой субъекты изменений фактически интегрируются таким образом, что, имея противоположные интересы, действуют в одном направлении в процессе модернизации.

4. В период XVII-XX вв. в российском обществе как в скрытой, так и явной форме присутствовали различные субъекты органичной модернизации. Эти субъекты представлены двумя видами: *адаптационным* и *модернизационным*. *Адаптационные* субъекты – это индивиды и общности, образцы, тактики, модели поведения которых консервируют устоявшиеся социально-экономические формы жизнедеятельности и не способствуют усвоению и принятию новых форм социально-экономического взаимодействия. *Модернизационные* субъекты – это индивиды и общности, образцы и тактики поведения которых совершенствуют уже возникшие новые социально-экономические формы жизнедеятельности и культурные образцы и способствуют созданию, распространению и принятию новых форм. Именно они и являются субъектами органичной модернизации.

5. В современном российском обществе присутствуют как *актуальные* (реализующие свой потенциал в практиках преобразования общества), так и *потенциальные* субъекты органичной модернизации, поведение которых представлено двумя типами: реформистским и модернизационным. *Реформистское* представляет собой как улучшение существующих форм взаимодействия, так и создание их дополнительных форм, позволяющих эффективнее обслуживать новые социально-экономические практики, не отменяя принципов, на которых они строятся. *Модернизационное* поведение характеризуется созданием новых вариантов действия, новых практик.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии социально-философской концепции модернизации через уточнение содержания процесса модернизации и разработке основных положений концепции «органичной модернизации», что позволяет выявить и описать процессы трансформаций, происходящих во всех обществах в периоды их радикальных изменений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы, представленные в работе, могут быть использованы в учебном процессе в преподавании курсов социальной философии, общей социологии, истории социологии, философии истории, государственного и муниципального управления. Обновленные интерпретации процесса модернизации и изложенные в диссертации исходные концептуальные положения теории органичной модернизации дают возможность пересмотреть ряд традиционных и не всегда эффективных подходов и проектов качественного обновления общества и привести их в соответствие с развивающейся социальной теорией и требованиями стремительно меняющейся современности.

Апробация диссертационного исследования.

Основные идеи диссертационной работы были представлены в виде тезисов на конференциях:

1. VI всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2010». «Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI веке»;
2. Научно-практической конференции 11-12 ноября 2011 года. Шестые Ковалевские чтения;
3. Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2011». «Глобальная социальная турбулентность и Россия»;
4. Научной конференции «V Всероссийские Копыловские чтения» (Новосибирск, 2011);
5. Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2011»;

6. IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом», 2-4 февраля 2012;
7. Научной конференции «VI Всероссийские Копыловские чтения» (Новосибирск, 2012);
8. Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2013»;
9. Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Шаг в будущее: теоретические и прикладные исследования современной науки», 2013 г.

Основные положения исследования обсуждались на кафедре социологии Новосибирского государственного технического университета. (Новосибирск, 2010 – 2015 гг.).

Материалы диссертационного исследования использовались для проведения практических занятий со студентами Новосибирского государственного технического университета по дисциплинам «общая социология», «государственное и муниципальное управление».

Публикации. Основное содержание диссертационной работы и ее результатов отражено в научных работах автора. Всего по теме диссертации опубликовано 16 работ общим объемом 2,9 п.л., (из них без соавторов – 1,4 п. л.). Из них: 3 научных статьи – в рецензируемом журнале, входящим в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 174 источника, в т.ч. 19 на иностранном языке. Общий объем текста - 121 страница.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1.1. Модернизация как стадия и способ исторического развития локальных социумов

Становление теории модернизации начинается с середины XX века. С развитием школы модернизации меняется понимание и самой категории «модернизации». На начальном этапе понятие модернизации связано с линейным поступательным развитием модернизируемых обществ стран «третьего» мира по образцу стран Западной Европы и Северной Америки. Дж. О'Коннел дает следующее определение модернизации: «Модернизация» в этом смысле означает достижение современности, «процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»¹. Ш. Эйзенштадт определяет модернизацию как процесс поступательного развития общества в направлении той социально-экономической и политической системы, которая сформировалась в Западной Европе и Северной Америке в период с XVII по XIX век, затем распространилась на другие европейские страны, охватив в XIX и XX вв. Южноамериканский, Азиатский и Африканский континенты»². Д. Лернер определяет модернизацию как процессы, которые в различные исторические периоды характеризовались различными терминами, т.е. «...одни говорили о Европеизации, чтобы обозначить ведущие элементы, лежащие в основании влияния Франции на Сирию-Ливан и влияния Британии на Египет и Иорданию...американизация стала специфической силой и ведущим стимулом

¹ O'Connell J. The Concept of modernization // C. Black Comparative Modernization. New York., 1976. P. 13

² Eisenstadt Sh.N. Modernization: protest and change. Prentice-Hall, 1966. P. 1

Атлантической цивилизации, которая привела к так называемой Вестернизации»³. Д. Лернер процесс модернизации связывает с коммуникационными процессами. Он предлагает базовую типологию модернизации (типы обществ: традиционные – переходные – современные); ряд критериев для отнесения к одному из трех типов: 1) грамотность, 2) урбанизация, 3) участие СМИ, 4) соперничество (точка зрения), 5) диапазон мнений. Согласно Д. Лернеру: «Если модернизация – это переход к участвующему обществу, то направление изменений в публичной сфере – это движение в направлении к постоянно расширяющейся арене мнений»⁴. Д. Аптер связывает процесс модернизации с процессами, происходившими на Западе через схожие процессы коммерциализации и индустриализации⁵. Далее, для понимания взаимосвязи социально-экономических процессов в модернизируемых обществах, Д. Аптер соотносит три понятия: развитие, модернизация, индустриализация. Д. Аптер понимает модернизацию как особый случай развития, который предполагает три состояния: социальную систему, которая может постоянно обновляться без разрушения (и которая включает среди своих неотъемлемых черт приемлемость изменений); дифференцированные, гибкие социальные структуры; социальные структуры, чтобы обеспечить навыки и знания для жизни в технологически продвинутом мире⁶. М. Леви разделяет общества на относительно модернизированные и относительно немодернизированные. По мнению М. Леви, общество может быть рассмотрено как более или менее модернизированное в той мере, в которой его члены используют неодушевленные ресурсы власти и/или инструменты, чтобы увеличить эффекты от своих попыток⁷. М. Леви говорит о том, что помимо двух типов этих обществ существуют также и промежуточные. Он трактует модернизацию как социальную революцию, заходящую столь далеко, насколько это возможно без разрушения самого общества⁸. По мнению Д. Рюшемейера, «во многих обществах модернизированные и традиционные

³ Lerner D. The passing of traditional society: modernizing the Middle East. New York, 1965. P. 45

⁴ Там же, p. 71

⁵ Apter David E. The politics of modernization. Chicago [u.a.], 1967. P. 43

⁶ Там же, p. 67

⁷ Levy Marion J. Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Princeton, 1966. Vol. 1-2. P. 11

⁸ Там же, p. 735

элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. ...Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»⁹.

Разработка многолинейной модели модернизации принадлежит таким исследователям, как Э. Тириакийн, П. Штомпка, В. Цапф, С. Хантингтон.

В. Цапф рассматривает модернизацию в трехмерном временном плане: во-первых, как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа сегодня модернизированных обществ; во-вторых, как многообразный процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; в-третьих, как попытки модернизированных государств дать ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ¹⁰.

По мнению С. Хантингтона, модернизация не обязательно означает вестернизацию. «Не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт¹¹. Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада»¹².

Ряд отечественных исследователей придерживается подхода к интерпретации модернизации как процесса, который может быть инициирован внутренними социальными силами, используя понятие «эндогенности». С. Н. Гавров различает два вида модернизации: эндогенный и адаптивный (догоняющий). Эндогенный вид модернизации – процесс, детерминированный эндогенной социокультурной динамикой¹³. По мнению С. Н. Гаврова, это

⁹ Цит. по. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>

¹⁰ Цапф В. Теория модернизации и различия путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. №8. С. 14

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 112

¹² Там же

¹³ Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. С. 24

модернизация, обусловленная комплексом внутренних причин, саморазвитием, самотрансформацией общества¹⁴. Необходимость изучения модернизации как уникального исторического процесса подчеркивается И. Б. Орловой. Под модернизацией И. Б. Орлова понимает современный этап социально-исторического процесса, исключающего единый и тем более линейный путь развития¹⁵. Необходимость возвращения к самобытности российского общества для осуществления модернизации подчеркивает Бородай Ю. М.¹⁶. Классификацию моделей модернизации приводит В. В. Козловский. Он отмечает, что существуют две модели модернизации: вестернизация и «догоняющая модель»; *вестернизация* – это процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ, а «*догоняющая модернизация*» – индустриализация и создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей¹⁷. Н. Ф. Наумова характеризует российские модернизации как «рецидивирующие». Это состояние после (или во время) серии «неполных», неудачных модернизаций, повторяющихся через одно-два поколения, и с неизбежно неприемлемой, высокой социальной ценой, мы называем рецидивирующей модернизацией¹⁸. В. В. Лапкин описывает попытки российской модернизации как сменяющиеся циклы. Циклы автохтонного развития формируют специфический эволюционный механизм, позволяющий в течение длительного времени и драматически изменчивого внешнего окружения сохранять изначально сформированный инвариант развития государства¹⁹. В. В. Лапкин именует этот инвариант «стратегией внутренней колонизации». Кармадонов О.А. анализирует социальное изменение, в том числе и его

¹⁴ Там же

¹⁵ Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. М., 2000. С. 12

¹⁶ Бородай Ю.М. Третий путь // Наш современник. 1991. №9. С. 147

¹⁷ Козловский В.В. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 143, 148

¹⁸ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 7

¹⁹ Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М., 2012. С. 88

отдельный вид - модернизацию с точки зрения понимание его как процесса трансформации символических форм²⁰.

Некоторые отечественные исследователи интерпретируют модернизацию как процесс обновления, т.е. осовременивания, однако, такое обновление происходит, прежде всего, в процессе перехода от традиционного общества к индустриальному²¹. Б.С. Старостин отмечает, что важным условием процесса обновления в обществе является нахождение социальных сил (или, по мнению автора - движущих сил), которые способны возглавить этот многоплановый процесс²².

Данные концепции модернизации, прежде всего, не рассматривают первостепенную роль субъектов модернизации в процессе ее осуществления, не проводят их классификацию и типологизацию их моделей поведения, что имеет значение для понимания механизмов раскрытия потенциала общества на стадии модернизации. Также не подчеркивается важность целостного подхода к пониманию процессов модернизации, анализ этого процесса с точки зрения качественных изменений общества в целом, с учетом не только внешних факторов, приводящих к изменениям, но и внутренних, являющихся результатом процессов самоорганизации и самопорождения обществом новых социальных форм.

Существует несколько наиболее известных теорий модернизации, среди которых наибольший интерес представляет теория различных типов социальных изменений П. Штомпки. Он выделяет модернизацию как особый тип социальных изменений²³. По его типологии, модернизация следует за эволюцией. Согласно П. Штомпке, теория модернизация развивает основные идеи, характерные для эволюционизма и теории развития. В соответствии с эволюционистскими

²⁰ Кармадонов О.А. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984-2011 г.г.) : коллективная монография / О.А. Кармадонов [и др.] ; науч. ред. О.А. Кармадонов, В.А. Решетников. Иркутск, 2012.

²¹ Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. (Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981.; Кравченко И.И. Модернизация современной России // Экономические модели модернизации. М., 2002.

²² Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. (Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981. С. 109

²³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

воззрениями, модернизация является необходимым и необратимым процессом, который приводит к «всеобщему улучшению социальной жизни и условий человеческого существования»²⁴. В более поздних теориях неомодернизации и неоконвергенции происходит переосмысление целей модернизации, она рассматривается как исторически ограниченный процесс, хотя достижение современности по-прежнему является главной целью для посткоммунистических обществ²⁵. По ряду признаков модернизация близка к такому виду социального изменения, как революция, хотя их местоположение в данной классификации достаточно далеко друг от друга. Революция обладает определенным набором признаков, отличающих ее от других видов социальных изменений. По мнению П. Штомпки, к этим признакам относятся следующие: 1) они (социальные изменения) затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную организацию, повседневную жизнь индивидов; 2) во всех этих сферах революционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функционирования общества; 3) изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса²⁶. Процесс модернизации, как и революция, затрагивает все сферы жизни общества, однако существует важное отличие в том, каким образом происходят изменения в социуме. Революционный вид изменений предполагает переход в целом к иному качественному состоянию через разрушение целостности социума, его социальных структур, согласно логике перехода от одного способа производства к другому. К примеру, согласно формационному подходу, «социальная революция» – это качественный скачок при переходе на более высокую ступень развития. Модернизация же, затрагивая качественную специфику общества, ведет к трансформации оснований, и, таким образом, изменения носят эволюционный характер; отсюда – меняется и развивается содержание через постоянные

²⁴ Там же, с. 172

²⁵ Там же, с. 179

²⁶ Там же, с. 367

изменения, но без разрушения общества как целостности. Таким образом, происходит своеобразная «перекомбинация» социальных форм.

Важной для нашего исследования является точка зрения Б. Мура на процесс модернизации, поскольку в его понимании процессов модернизации ведущая роль принадлежит внутренним процессам, происходящим в обществе, в его социальной структуре, а также соотношению и способу взаимодействия между компонентами системы, т.е. различными социальными классами. Б. Мур строит свою теорию модернизации как теорию спонтанного процесса, результат которого не имеет нормативного характера и может отливаться в различные экономические и социальные формы²⁷. Как подчеркивает Б. Мур, отправным пунктом анализа должно быть социальное устройство, предшествующее модернизации. Результат процесса модернизации, т.е. его форма, зависит от того, как разрешаются противоречия между классами.

Б. Мур выделил три пути к современному миру:

- 1) демократический путь;
- 2) революция сверху;
- 3) крестьянская революция²⁸.

По мнению Б. Мура, «выбор способов, какими высшие землевладельческие классы и крестьяне реагировали на вызов коммерческого сельского хозяйства был решающим фактором в определении политического результата»²⁹. Б. Мур видит корень изменений, прежде всего, в социальных изменениях, не связывая модернизацию только с технологической стороной этого процесса.

Р. Бендикс, как и Б. Мур, источник модернизационных преобразований видит в социальном порядке, характерном для конкретного общества.

Р. Бендикс определяет процесс модернизации как тип социальных изменений, который берет начало в промышленной революции в Англии 1760-

²⁷ Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии // Вестник МГУ. 2010. №4. С. 71

²⁸ Мартинелли А. Глобальная модернизация : переосмысляя проект СПб., 2006. С. 95–96

²⁹ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of modern world. Boston, 1967. P. XVII

1830 гг. и в политической революции во Франции 1789-1794 гг.³⁰. Р. Бендикс также делает акцент на социальном устройстве модернизируемого общества. Р. Бендикс подчеркивает, прежде всего, тот факт, что где бы модернизация ни происходила, она всегда зарождалась в социальных структурах, отмеченных неравенством на основе родственной связей, наследственных привилегий и власти³¹. По мнению Р. Бендикса, важным в процессе модернизации является учет взаимодействия экзогенных и эндогенных факторов. Внешние условия и их изменение не могут не оказывать влияния на внутреннюю структуру, которая, в свою очередь, может способствовать или препятствовать модернизации общества³². Важное значение имеет политическая сторона процесса модернизации. Правительства могут иметь больший или меньший успех в осуществлении модернизации своих стран, в проведении в жизнь соответствующих императивов в зависимости от сопротивления и обратного влияния структурных компонентов их обществ, но это не ставит под сомнение ведущую роль политических структур в осуществлении процессов модернизации³³. Тем не менее, Р. Бендикс указывает на немаловажную роль обратной связи в процессе управления обществом, проведения модернизации. Например, характер депривации – показатель того, насколько готово общество к проведению преобразований, сформировались ли внутри общества необходимые элементы и субъекты модернизации. Более того, чем более отсталым является общество-последователь, тем большую роль играют его правительство и его политические структуры в процессе модернизации³⁴.

Таким образом, мы можем зафиксировать следующие особенности модернизации как вида социального изменения:

³⁰ Bendix R. Tradition and modernity reconsidered. Comparative Studies in Society and History. Vol. 9, No. 3. (Apr., 1967). P. 329

³¹ Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии // Вестник МГУ. 2010. №4. С. 76

³² Там же, с. 77

³³ Там же

³⁴ Там же

1. Универсальность процесса модернизации. Модернизация как определенный этап имела место в различные исторические периоды в различных странах.

2. Многовариантность процесса изменений. Результат процесса модернизации не может быть одинаковым для всех модернизирующихся обществ.

3. Разнонаправленность протекания процесса модернизации. Процесс преобразования общества может иметь различную направленность: в одном случае это могут быть изменения, имеющие циклический характер («откаты» системы, «рецидивирующая модернизация»), в другом случае ломаная кривая.

4. Полнота охвата процессом модернизации. Эндогенные общественные трансформации могут происходить, затрагивая все элементы общества или же только отдельные элементы социального устройства.

5. Качественное изменение общества в целом. Модернизация всегда представляет собой обновление общества.

6. Эндогенность/экзогенность источника изменений. Источниками модернизационных изменений являются преимущественно либо эндогенные, либо экзогенные социальные субъекты, что определяет вид модернизации, которая осуществляется в том или ином обществе.

Таким образом, основываясь на выделенных особенностях модернизации как вида социальной трансформации, мы можем определить ее *как качественное целостное обновление социума, без его разрушения, путем вырастания новых социальных форм рядом со старыми и их интеграции (взаимодействия) и конвергенции (сближения).*

Для того чтобы продолжить анализ понятия «модернизация», мы должны соотнести его с близкими по основному признаку (а именно качественное изменение общества в целом) понятиями «революция» и «реформирование».

Революция конфликтна по природе. Она представляет собой разрушение и строительство общества заново. Революция – конфликт между противостоящими, в том числе различными историческими формами общественного устройства. «Революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и

осознанный процесс из всех социальных движений...результаты революций представляются многосторонними³⁵. Это далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях – изменения, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе...еще одна особенность революции – это радикальный разрыв с прошлым»³⁶. С. Хантингтон определяет революцию следующим образом: «Революция — это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики»³⁷.

Далее рассмотрим интерпретации понятия «реформа».

Реформа – это путь постепенного, эволюционного изменения³⁸.

Реформа – это масштабный качественный сдвиг в деятельности субъекта, его способности обеспечить своими усилиями поток конструктивных инноваций, их реализацию, воплощение³⁹. Смысл реформы заключается в том, чтобы обеспечить действия некоторого общественного субъекта (вопрос – какого), который смог бы реализовать некоторый нужный, полезный качественный сдвиг в соответствующей сфере жизни общества, сдвиг, противостоящий энтропии⁴⁰.

Реформы обычно вызываются к жизни общественной потребностью, когда осознается необходимость их проведения и появляются соответствующие предпосылки, но также могут внедряться «искусственно»⁴¹. Реформа по своей природе тяготеет к компромиссу в разрешении конфликта. Противостоящие социальные силы через реформирование пытаются найти наиболее приемлемый

³⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999. С. 45

³⁶ Там же

³⁷ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 270

³⁸ Философский словарь. М., 2009. С. 575

³⁹ Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России : циклы модернизаци. процесса / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер ; под ред. Ильина В.В. М., 1996. С. 323

⁴⁰ Там же, с. 323

⁴¹ Там же

для обеих сторон вариант, исключающий разрушение целостности социального организма. Отсюда и возникновение идеологии, основанной либо на конфликтных, либо на согласительных стратегиях.

Следует подчеркнуть, что в истории социально-философской мысли не получила специального развития идея об особой органичной модели модернизации. К примеру, за пределами анализа типологии П. Штомпки остается вопрос о специфике так называемой органичной модернизации. Однако следует отметить, что в свое время еще немецкими философами Шеллингом и Гегелем использовался термин «органический», по-видимому, подразумевающий подобные (органичные) аспекты в природе целостных системных объектов действительности. Шеллинг указывает на то, что «не существует подлинной системы, которая не была бы одновременно органическим целым»⁴². Далее Шеллинг указывает на соотношение частей и целого в органическом целом: «Ведь если в каждом органическом целом все служит друг другу опорой и поддерживает друг друга, то такая организация в качестве целого должна существовать раньше, чем ее части, а части возникают из целого»⁴³. Гегель в «Философии природы» понимает органическое как то, что «органическое есть действительное, которое само сохраняет себя и совершает процесс в себе самом; оно является для себя своим всеобщим, раздваивающимся на свои части, которые снимают себя, производя целое»⁴⁴. Органичный – органически присущий кому-чему-нибудь, не случайный, закономерно вытекающий из чего-либо⁴⁵.

В то же время в социальном познании мы находим примеры использования этого термина, который до настоящего времени не обрел категориального статуса. Так, В. Г. Федотова говорит об органичности модернизационных процессов в странах “первой” Европы или первого эшелона мирового капитализма, т.е. в Западной Европе и Северной Америке, вследствие перехода от Средневековья к Современности (Новому времени) под влиянием внутренних органических

⁴² Шеллинг Ф.И.Й. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М., 1987. С. 188

⁴³ Там же, с. 188

⁴⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 2. Философия природы. М., 1975. С. 394

⁴⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2012. С. 693

процессов, связанных с исторической спецификой и совокупностью ряда уникальных событий: зарождением капиталистических отношений внутри феодализма, колониальными захватами, Ренессансом, Реформацией и Просвещением, промышленными и научными революциями⁴⁶. В. А. Красильщиков органичную модернизацию связывает с непрерывным процессом в странах западной Европы и Северной Америки, а также, впоследствии, Японии. Любая модернизация в странах первого эшелона капитализма всегда была ответом на кризис предыдущего развития и попыткой найти выход из него, поэтому она начиналась с осознания этого кризиса и поисков путей его разрешения, т.е. с перемен в общественном сознании⁴⁷. Д. В. Трубицын понимает модернизацию как процесс разрешения противоречий. Развитие – это приобретение нового состояния вследствие преодоления противоречия, вызова, разрешения конфликта⁴⁸. Отсюда возникает «органичность» модернизации. «Органичность» модернизации заключается в ее объективности, естественности, ходе «снизу»⁴⁹. К странам, модернизационные процессы в которых носили органичный характер, могут быть отнесены также и Япония в период правления Мэйдзи и период восстановления после Второй мировой войны, Индия в период правления Д. Неру (1950-1970 гг.). Таким образом, для понимания механизмов, лежащих в основании органичной модернизации, выявлении ее отличительных особенностей, а также условий формирования, необходимо ее рассмотрение в контексте сравнительного анализа с догоняющей модернизацией.

В отличие от догоняющей модернизации, основу которой составляет полное заимствование и копирование образцов развития Соединенных Штатов и стран Западной Европы, органичная модернизация в своей основе имеет формирование собственных ориентиров и конечных целей развития, а результат вводимых преобразований предстает не как четкое воспроизводство заданной (западной) модели поведения субъектов и их взаимодействия, а как специфический тип

⁴⁶ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 57

⁴⁷ Красильщиков В.А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 26

⁴⁸ Трубицын Д.В. Модернизация России и стран Востока. Новосибирск, 2010. С. 227

⁴⁹ Там же

отношений, который складывается исходя из внутренних начальных условий. И если этот результат облачается в совершенно новую форму отношений и поведения субъектов, то в дальнейшем возникают основания для описания этой формы в характеристиках органичной модернизации. С точки зрения Р. Бендикса, процесс модернизации никогда не был прямолинейным и равномерным и в каждой стране обладал специфическими чертами, обусловленными историко-культурными особенностями региона⁵⁰. По мнению Р. Бендикса, одной из основных причин неравномерного развития обществ является сохранение исторически сложившихся социальных структур, которые даже в кризисных ситуациях оказываются чрезвычайно устойчивыми⁵¹. Социальные структуры могут либо ускорять, либо замедлять модернизационные процессы. Инновационные практики, таким образом, или «оседают» на данной социальной структуре, не меняя ее оснований, или кардинально изменяют структуру, создавая новые формы, которые впоследствии могут стать «авангардом» модернизации. Вообще, органичная модернизация в процессе своего осуществления сохраняет такую характеристику, как незавершенность. Если же незавершенность преодолевается, то либо уничтожается свободное функционирование и происходит упадок, возврат к функционированию органически связанному (и, следовательно, к органически противоречивому состоянию), либо же преодолевается свободное функционирование, и тогда уничтожается или искажается органическая связность – и тем самым подготавливается угроза жизни организма⁵². В первом случае показательным является как раз пример догоняющей модернизации и так называемых «откатов» системы. Такова, в свою очередь, реакция общественного организма на жестко детерминированный план его развития, который неизбежно ставит перед ним догоняющая модель. Упадок есть стремление сохранить систему. Отсюда и установка общества на поддержание его функционирования. В то время как

⁵⁰ Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. №2. С. 34

⁵¹ Там же

⁵² Ландау Г. Антиномии органичности // Вопросы философии. 2011. №3. С. 114

органичность – это стремление не только к поддержанию существования системы, но и направленность на ее развитие.

Догоняющая модернизация не может быть осуществлена без привлечения, причем зачастую насильственного, широких масс населения, нарушая, таким образом, ход естественноисторического процесса развития общества, отвергая или подавляя внутренние формы развития. Органичная модернизация, напротив, характеризуется консолидацией широких масс населения, основанной на «положительных» детерминантах и повышении уровня развития как можно больших сфер жизни общества, улучшения взаимодействия между социальными субъектами. При этом может происходить поиск внутренних форм взаимодействия и развития и их использования с целью наиболее «мягкого» протекания процессов модернизации, избегания значительных флуктуаций исходного состояния системы.

Еще одной характеристикой догоняющей модернизации является то, что она предполагает прохождение всех необходимых стадий, что определяет характер развития любого общества как линейного. Система может сопротивляться и возвращаться к исходным позициям, вследствие чего могут быть сломаны существующие механизмы взаимодействия, что приводит к «социальной травме»⁵³. Процесс органичной модернизации в этом смысле является достаточно хаотичным, а возникающие последствия (исходы модернизации) в дальнейшем не могут быть закреплены в качестве «императивных». Они зачастую характерны для конкретной исторической ситуации при специфической активности определенных социальных субъектов и меняющихся форм их взаимодействия и являются результатом пересечения определенных условий (социальных сил, политического режима, степени индустриализации, экономических связей, ценностных ориентиров) в определенный момент времени. Поэтому в дальнейшем более детальное рассмотрение результатов модернизационных преобразований может быть

⁵³ Мы опираемся на понятие «социальная травма», данное П. Штомпкой в его статье «Социальное изменение как травма» // Социологические исследования. 2001. №1. С. 6–16.

направлено на выявление конкретных социальных сил – социальных субъектов, благодаря которым происходили изменения.

Говоря о процессе модернизации и, в частности, об органичной модернизации, необходимо признать то, что модернизация не является непрерывным процессом. По мнению Э. Тириакияна, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления»⁵⁴.

Таким образом, суммируя выделенные характеристики, можно определить органичную модернизацию как вид социальных трансформаций, происходящих в результате самоорганизации различных субъектов, консолидации определенных социальных сил, результатом которого является появление новых форм и механизмов социального взаимодействия, а также формирования новой социальной структуры.

Любая модернизация, будь то органичная или догоняющая модернизация, представляет собой противостояние между социальными силами (субъектами), характеризующими один и тот же тип развития. Результатом модернизации является появление новых форм социального, политического, экономического взаимодействия, новых социальных образований (социальных групп, слоев), но при этом фундаментальная основа общества – тип производства – остается прежним. К таким преобразованиям можно отнести реформы Мэйдзи в Японии, послевоенную модернизацию Западной Германии 1945-1960 гг., перестройку в СССР.

Таким образом, мы можем выделить два вида модернизации:

- *Мобилизационная модернизация* – неэволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества, в результате преимущественно насильственного привнесения новых социально-экономических

⁵⁴ Цит. по: URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>

форм и моделей поведения субъектов в сочетании с неполным и неэффективным использованием эндогенного потенциала общества, результатом которого является деформация различных социальных структур.

- *Органичная модернизация* – эволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно ненасильственного воздействия (реформирования), опорой на внутренний потенциал общества, его самоорганизацию, результатом которого является появление новых социальных форм, образцов взаимодействий социальных субъектов.

Таким образом, общества в своем развитии периодически проходят стадии модернизации, которые могут быть органичными или мобилизационными, что определяется различием использования эндогенного потенциала общества, т.е. потенциала его самоорганизации.

1.2. Органичность как самоорганизация

Опираясь на синергетический подход, представленный в работах И. Пригожина, Г. Хакена, а также методологическую традицию советской школы, представленной А. М. Миклиным, В. А. Подольским, М. Ю. Казариновым, Л. А. Петрушенко, В. Н. Южаковым, М. И. Сетровым, рассматривающими процессы развития, самодвижения и самоорганизации с точки зрения системного и целостного подходов, выявим возможности применения понятия «целое», «целостность», «система», «развитие», «самодвижение» для понимания такого вида социального изменения, как органичная модернизация. Существует множество подходов к определению содержания понятий «целого и целостности». Одним из них является следующий: в понятии целого отражается

устойчивость процесса становления, его повторяемость, тогда как в понятии целостности – его изменчивость, незамкнутый характер⁵⁵.

Соотнести понятия «система» и «целостность» возможно следующим образом: поскольку система имманентно обладает таким качеством, как целостность, а также обладает интегративным качеством⁵⁶, то в процессе становления и развития любой системы, в том числе и в социуме, система представляет собой целостность, в которой происходят процессы постоянных изменений. Здесь необходимо использовать понятие «развитие» для понимания взаимосвязи системы и целостности. К развитию способна не любая произвольно выделенная часть действительности, не любой объект, а лишь тот, который содержит в себе все необходимое и достаточное для возникновения новой целостности⁵⁷. Безусловно, такой системой является общество, которому внутренне присуще зарождение и борьба новых форм действительности, что выражается в появлении новых социальных субъектов, трансформации структур, создании новых связей. Переход системы в одно из возможных состояний связан с развитием вообще и представляет собой многогранный процесс⁵⁸. Таким образом, ключевым моментом в процессе развития становится наличие условий для появления в дальнейшем нового качества как выражения его целостности. Целостность развития – это направленность типов и способов изменения на порождение нового целостного объекта⁵⁹.

Для раскрытия и активизации потенциала социума необходимо наличие условий порождающих его самодвижение. Самодвижение означает, что основание всеобщего взаимодействия, движения, т.е. противоречивость материи, наличие диалектического противоречия как источника движения, является внутренне присущим природе, материи и ее объектам⁶⁰.

⁵⁵ Цит. по: Самоорганизация в природе и обществе. С. 69

⁵⁶ Игнатъев В.И. Системно-генетическая динамика социума: монография. Новосибирск, 2007. С. 17

⁵⁷ Южаков В.Н. Организация процесса развития. Объективные закономерности, познание и управление. Саратов, 1986. С. 9

⁵⁸ Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975. С. 21

⁵⁹ Южаков В.Н. Организация процесса развития. Объективные закономерности, познание и управление. Саратов, 1986. С. 24

⁶⁰ Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975. С. 12

Общество представляет собой становящуюся в процессе самоорганизации целостность. Компоненты целого, находясь во множественных взаимосвязях, находятся в состоянии постоянной самонастройки и саморегулирования, создавая пространство самодостаточности для элементов и связей системы. Социальные субъекты, самоорганизуясь в результате конкурирования и кооперации различных форм взаимодействия и тактик поведения, раскрывают свой эндогенный потенциал. В результате процесса самоорганизации и самостановления возникают актуальные субъекты социальных изменений, т.е. изменяющие социальную жизнь, а также могут формироваться и впоследствии активизироваться потенциальные субъекты изменений, т.е. субъекты, при определенных обстоятельствах готовые к активным социальным практикам.

Появление новых форм происходит в результате процесса развития и самоорганизации. Также и появление новых субъектов связано с процессами самодвижения. В результате накапливающихся противоречий внутри социума происходит их разрешение через появление качественно новых форм, тем самым, происходит особый процесс обновления – трансформации. Интенсивность внутренних связей объекта, относительно большая величина их силы создает новые свойства (или становится условием их проявления), делает данный объект качественно отличным от всех других⁶¹.

Важным моментом в понимании природы самоорганизации общества, является учет характера его взаимодействия с внешней средой. В процессах трансформаций обществ различных типов посредством модернизации это зачастую проявлялось как перенесение образцов модернизации без учета внутренних принципов саморазвития отдельных обществ и возникающих в них социальных форм. На важность рассмотрения трансформаций через призму выявления источников внутренних изменений ориентирует синергетический подход. Внешние воздействия учитываются именно как преломленные через внутреннюю природу самой системы, через ее особый способ самоорганизации в этих условиях, а не как однозначно навязывающие системе свою собственную

⁶¹ Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Ленинград, 1972. С. 16

определенность⁶². Экзогенное влияние в то же время является определенным толчком к изменениям внутри системы. Внешние (экзогенные факторы) при определенных критических условиях «включают», стимулируют внутренние (эндогенные) источники социального динамизма, а именно борьбу возникших центров структурной неоднородности, которая в социальном контексте проявляется как обострение социальных (классовых) противоречий и конфликтов⁶³. Происходит накопление и сохранение, или же отрицание и уничтожение, или же смешение и трансформация социальных форм, моделей, практик, возникающих в результате взаимодействия системы с внешней средой. Таким образом, реализуется самодостаточность системы как ее способность воспроизводить себя при давлении внешних условий⁶⁴.

Системные аспекты развития отчетливо выражаются в органической связи дискретности и непрерывности, уровня организации (степени развитости) и уровня меры; дифференциации и интеграции; повторяемости и необратимости; прогресса и регресса...⁶⁵, и поскольку развивающаяся система является в принципе незавершенной,...развитие в этом плане оказывается саморазвитием системы, выражает ее противоречивость, ее тождественность и нетождественность себе, ее оформленность и открытость, ее устойчивость, подкрепленную потенцией к самоизменению, а стало быть, и сохранению⁶⁶.

Для понимания процессов модернизации в контексте процессов самоорганизации необходимо использование таких понятий, как «социальный процесс» и «социальные изменения». Под социальным изменением понимается переход социального объекта или субъекта в течение определенного времени из одного состояния в другое, что предполагает модификацию социальной структуры и организации общества, его институтов, способов поведения и деятельности людей⁶⁷. Социальный процесс обладает такими характеристиками,

⁶² Казаринов М.Ю. Детерминизм в сложных системах управления и самоорганизации. Ленинград, 1990. С. 138

⁶³ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. 261

⁶⁴ Игнатьев В.И. Системно-генетическая динамика социума: монография. Новосибирск, 2007. С. 27

⁶⁵ Миклин А.М. Категория развития в марксистской диалектике / А.М. Миклин, В.А. Подольский. М., 1980. С. 45

⁶⁶ Социальная философия : словарь. М., 2006. С. 403

⁶⁷ Социологическая энциклопедия. В 2 Т. Т.1. М., 2003. С. 285

как движение, изменение, становление и развитие, акцентируя внимание на развертывании социальных явлений во времени, на их динамике, стадиальности и направленности, формах и взаимосвязях, на смене, последовательности событий и ситуаций⁶⁸. В такой трактовке и модернизация как процесс изменения представляет собой постоянное появление новых социальных форм, закрепление и дальнейшее развитие новых моделей поведения субъектов социальных изменений без качественных их изменений, как и без изменения качественной определенности общества в целом. На наш взгляд, модернизация – это особый вид социальных изменений, затрагивающих не только и не столько форму общества, сколько его содержание. В этом смысле модернизация – это целостная трансформация всех форм общества и его содержания как основы качественной определенности.

Источником самодвижения является самопротиворечивость субстанции, или субстанциональное противоречие: отрицательное отношение субстанции к самой себе (самоотрицательность), что и делает субстанцию процессом⁶⁹. Таким образом, проявляется диалектический закон отрицания отрицания, в результате процесса самоотрицания себя как данности через становление в дальнейшем обновленного объекта действительности, что в процессе социального изменения проявляется как появление обновленных внутренне необходимых структур и форм.

Качеством, определяющим процессы самоструктурирования и самонастройки системы общественного организма, является ее самореферентность. Опыт и структурная пластичность позволяют сложной системе как бы помечать состояния среды, быстро сопоставлять внешние сигналы и какие-то внутренние референты⁷⁰.

В процессе модернизации общество претерпевает множество внутренних локальных флуктуаций, которые могут носить различный характер и масштаб,

⁶⁸ Там же

⁶⁹ Самоорганизация в природе и обществе : филос.- методол. очерки / В.Н. Михайловский, В.А. Кайдалов, А.И. Уемов, М.И. Михайловская. СПб., 1994. С. 91

⁷⁰ Хиценко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М., 2005. С. 63

вследствие чего запускаются процессы смены состояний. В совокупности они впоследствии могут привести к переходу системы в новое качественное состояние. Флуктуации могут представлять изменения тактик и моделей поведения как потенциальных, так и актуальных субъектов социальных изменений в дальнейшем с возможностью перехода в устойчивые тренды. И. Пригожин подчеркивает, что за выбор ветви, которая возникает после точки бифуркации, отвечают флуктуации на микроскопическом уровне (они определяют событие, которое произойдет)⁷¹. Таким образом, в результате накопления необходимого потенциала преобразований на основании диалектического закона количественно-качественных изменений происходит переход количественных изменений в качественные, меняется целостный объект.

Особенность социального, с точки зрения изменяемости, заключается в том, что социальность представляет собой реальность в постоянном изменении, основанном на принципах самоорганизации, самоизменения. С точки зрения современных теорий социального познания эти изменения следует интерпретировать как самоизменение, то есть как смену форм. Появление новых определенных форм организации происходит как саморазвитие. Самость имеет следующие принципы:

- носит субъектный характер;
- смена форм – это продукт человеческой деятельности (как индивидуальных, так и коллективных действий).

Поэтому субъектами выступают и отдельные индивиды, и их общности. В результате появляющиеся общественные формы – это продукты и результаты, порожденные новыми социальными формами – сообществами и индивидами.

Развитие представляет собой реализацию внутренних сил общества, существующих не абстрактно, а как множество действий субъектов. Следствием чего является развитие новых форм социальной жизни, в которой заложено множество вариантов. Все они реализуются при определенных предпосылках. Следовательно, развитие системы предполагает многовариантность форм и всегда

⁷¹ Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколения // Наука и жизнь. 2002. №11. С. 6

несколько различных вариантов развития системы потенциальных, заложенных внутри общества альтернатив развития.

Для понимания процессов органичной модернизации необходимо рассмотрение социальной системы с точки зрения ее самодостаточности, наличия внутренних резервов развития. В ходе органичной модернизации происходит появление форм на собственной основе, выражающейся в обновлении общества на основе воспроизводства и развития внутренних предпосылок, на основе собственных ресурсов (человеческих, культурных, социальных, географических и др.).

Таким образом, органичная модернизация представляет собой процесс обновления в результате появления качественно нового, т.е. новых форм, образцов, социальных практик появляющихся в результате самоорганизации. Все существенные исторические изменения общественных явлений и процессов протекают, в конечном счете, как изменения всего социального организма, а сама социально-экономическая система оказывается преходящим, конкретно-историческим состоянием общества, но таким состоянием, которое, как выразился бы Гегель, «окачивается» в некую самостоятельную целостность (социальный организм)⁷². *Система общества, являющаяся целостностью, трансформируется на основании появления новых элементов и их структур. Это есть результат самодвижения и саморазвития, которые в процессе изменений, в частности, модернизации, могут образовывать целостность нового порядка с качественно новым содержанием, и, тем самым, самоорганизовываться в органичное целое, являющееся по своей природе самодостаточным объектом действительности.* Поэтому мы считаем необходимым в дальнейшем рассмотреть исторические образцы модернизации в различных странах и проанализировать органичную модернизацию с точки зрения способа воздействия ее внутренних социальных сил – социальных субъектов на развитие общества.

⁷² Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 111

1.3. Органичная модернизация: от конфликтного симбиоза социальных субъектов к динамичному симбиозу и синтезу

Различение двух видов модернизации связано с вопросом об источнике инициирования возникновения трансформаций. Какие силы инициируют трансформации? Является ли общество принуждаемым к трансформациям или же трансформации возможны путем компромисса между различными социальными силами?

Согласно формационному подходу к пониманию истории, разработанному К. Марксом, конфликт является движущим фактором в развитии общества и его переходе от одной стадии развития к другой. В социальной структуре, которая характеризуется разделением труда и классовыми противоречиями, дефицит ресурсов и поддерживаемое властью неравенство становятся причиной длительной классовой борьбы между общественными коллективами⁷³. Противоречия, возникающие между различными социальными группами, общностями, могут разрешаться различными способами, следовательно, имеет значение, как взаимодействуют между собой социальные силы в процессе разрешения этих противоречий.

Для описания моделей поведения различных субъектов общества в период модернизации необходимо ввести понятия «симбиоз» и «синтез».

«Симбиоз – одними учеными понимается как явление сожительства между 2 и более организмами без взаимного вреда...противопоставляется – паразитизм; другими – как всякое сожительство 2 и большего количества организмов, причем принципы, на коих построено сожительство, могут быть различны⁷⁴».

⁷³ Егер В. Социальные изменения в социологических теориях современности / В. Егер, Х.-И. Майер. Смоленск, 2007. С. 39

⁷⁴ Энциклопедический словарь: Семь озер-симфония. Т.58. М., 1992. С. 908–910

«Симбиоз – жизненная общность, длительное сожительство особей различных видов, основанное на взаимном удовлетворении жизненных интересов, обычно приносящее им взаимную пользу⁷⁵».

«Синтез – понятие, противоположное анализу, характеризующее способ соединения различных элементов в целое...синтез способен дать новое знание, т.к. объединение элементов в новую систему может привести к новому качеству (системное качество), перекомбинирование даже старых элементов, но в других связях и отношениях может приводить к появлению новых систем⁷⁶».

Использование понятий «синтез» и «симбиоз» помогает описать механизмы взаимодействия между различными социальными силами: субъектами модернизации, реформаторами в лице политического класса и др. Для описания этих процессов необходимо выделение отличительных характеристик двух видов модернизаций: догоняющей модернизации и органичной модернизации. Важным в установлении отличия догоняющей модернизации от органичной является выявление инициаторов – «субъектов» – проведения модернизации. В случае догоняющей модернизации инициатива по проведению преобразований исходит, в большинстве случаев, «сверху», т.е. во главе модернизации выступает политический класс. Зачастую подобная модернизация не учитывает потребности общества в целом, а ориентирована на ограниченные социальные группы, стремящиеся сохранять свое положение и статус, поэтому требует сверхнапряжения общественных сил в форме всеобщей мобилизации. Органичная модернизация возможна на основе активизации инициативы различных социальных групп, ранее не вступавших во взаимодействие, стремящихся образовывать совершенно новые коалиции и формы объединений на основе «вызревающих» внутренних потребностей, т.е. на основе самоорганизации.

Выявление неявных социальных сил, которые наиболее заинтересованы и активны в осуществлении изменений, является наиболее актуальным аспектом изучения процесса органичной модернизации. Эти новые социальные группы,

⁷⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 2009. С. 414

⁷⁶ Словарь философских терминов. М., 2005. С. 507

слои или классы могут только начинать зарождаться и в процессе осуществления модернизации оформляться в более устойчивые образования, которые в дальнейшем становятся опорой проводимых в обществе изменений. Их прямая заинтересованность в модернизации обусловлена созданием возможностей для реализации инновационных проектов, технологий, организационных структур, а также формирования новых социальных институтов и механизмов их регуляции. К примеру, в период гражданской войны между Севером и Югом в Северной Америке активными сторонниками отмены рабства были белые массы, которых аграрно-рабовладельческое общество просто лишало надежды на социальные лифты, ради коих, собственно, люди и переезжали из Европы в Америку⁷⁷. По мнению Б. С. Ерасова, «движущей силой модернизации в социальном плане выступают большей частью активные слои, занимающие как бы стороннюю позицию, промежуточную позицию, к прежним основным классам». Кроме того, в структуре модернизационных процессов всегда происходит усиление предпринимательских слоев и расширение применения наемного труда, что и означает оформление классовой структуры общества⁷⁸. Следовательно, можно сделать вывод о существовании двух типов социальных субъектов в процессе модернизации, которые можно обозначить как потенциальные и актуальные.

Потенциальные субъекты модернизации.

1. Обладают потенциалом (ресурсами, выраженными в наличии идей, смыслов, технологий, моделей развития), который может быть в дальнейшем использован как привносящий новые или совершенствующий старые формы.

2. Не могут свободно (т.е. в соответствии с существующими социальными/экономическими/законодательными нормами) реализовывать модернизационное поведение.

Актуальные субъекты модернизации.

⁷⁷ Власова О. Американская идея от рассвета до заката // Эксперт. Специальный выпуск. Всемирная история модернизаций. 28 декабря-10 января 2010. №1 (687). С. 51

⁷⁸ Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002. С. 382

1. Обладают потенциалом (ресурсами, выраженными в наличии идей, смыслов, технологий, моделей развития), который может быть использован или активно используется, принося новое или совершенствуя старые формы;

2. Свободно (т.е. в соответствии с существующими социальными/экономическими/законодательными нормами) могут реализовывать и реализуют модернизационное поведение.

Возможности различного поведения субъектов социальной структуры конкретного общества в условиях модернизации отмечает Э. Тириакьян. По его мнению, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства)⁷⁹. К первой группе, безусловно, можно отнести слой инноваторов, тех, кто имеет огромную заинтересованность в постоянном совершенствовании технологий, способов взаимодействия, улучшении качества жизни, мобильности, привлечении новых ресурсов, увеличении их доступности, повышении качества передаваемой и получаемой информации.

К промежуточной группе можно отнести представителей политического класса, которые заинтересованы в периодическом проведении реформ с целью получения максимальной эффективности в короткий промежуток времени, формировании временных форм социального взаимодействия.

К третьей группе можно отнести группы как устойчивые социальные образования, которые, обладая стабильным положением доступа к различного рода ресурсам, не заинтересованы в проведении реформ, внесении каких-либо изменений.

Рассмотрим и проанализируем некоторые исторические образцы модернизации в различных странах. Одни из этих модернизаций являются

⁷⁹ Tiryakian E.A. *Modernization in Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancielly B. *Social change and Modernization: lessons from the Eastern Europe*. Berlin; New York, 1995. P. 255

примером успешного обновления обществ, другие – примером деформаций социальных структур и социальных субъектов данных обществ. Это связано с тем, насколько был использован эндогенный потенциал модернизируемого общества. В первом случае в данных социумах вызрели необходимые и достаточные предпосылки для изменения, сложилась ситуация, позволяющая им раскрыться, во втором – этим предпосылкам не дали возможности раскрыться, их потенциал не был использован.

Обратимся к поиску механизмов в ходе разрешения противоречий в обществе в процессе модернизации. Механизм разрешения социальных противоречий в зависимости от конкретной исторической ситуации может быть различен. Он связан, прежде всего, с набором целей, достижение которых преследуют реформаторы. В одном случае это может быть уничтожение одних социальных сил другими, в другом – компромисс между социальными силами-антагонистами. Компромисс между социальными силами в той или иной форме представляет собой один из возможных вариантов симбиоза. Таким образом, представляется необходимым понять вскрыть взаимодействия различных социальных сил в ходе модернизации и механизмы разрешения противоречий в ходе сосуществования социальных сил.

Примером подавления одних социальных сил другими в ходе модернизации являются реформы 1860-1880 гг. в Японии, проводимые императором Мэйдзи. Споры, проходившие в среде оппозиционеров в 1867 г., когда они собирались с силами перед выступлением против сёгуна, заострили внимание на необходимости создания более гибких институтов управления, в которых будут востребованы талантливые люди, объединения нации под эгидой Небесного Владыки и улучшения условий жизни каждого японца⁸⁰. Субъектами модернизации в Японии в период 1860-1880 гг. явился класс крупного купечества – тёнин, самураи низших рангов и ронины, кугэ. Идеологическая подготовка модернизации была осуществлена, прежде всего, самураями низших рангов и ронинами. Основная масса этих ронинов, преисполненных ненависти к бакуфу,

⁸⁰ Мак-Клейн Джеймс Л. Япония. От сегуната Токугавы-в XXI век. М., 2011. С. 235

которое следило за каждый их шагом, стала наиболее ревностными борцами за реставрацию⁸¹.

Главные цели правительства Мэйдзи (модернизация, создание мощной промышленности и сильной армии) могли быть решены только при максимальной мобилизации людских ресурсов и, в особенности, занятых (чем? Как будто не закончено предложение)⁸². Прежде всего, необходимо отметить, что ключевую роль в формировании и становлении буржуазии сыграла земельная реформа. В 1871 г. на место упраздненных княжеств пришли префектуры, а князья-даймё утратили большую часть своих привилегий. Ввиду финансовых затруднений и невозможности платить своим самураям рисовые пайки некоторые князья сами подавали прошения об упразднении княжеств и о создании на их месте префектур – так, чтобы государство взяло на себя их финансовые обязательства⁸³. Взятый Мэйдзи курс на модернизацию японского общества привел к стремительному развитию: в 1872 году была введена в эксплуатацию первая линия железной дороги; в 1875 году по приказу правительства компания «Мицубиси», в пользовании которой находились купленные в прошлом пароходы, была открыта линия Иокогама-Шанхай (это была первая международная линия, обслуживаемая японской компанией); в 1877 году был основан Токийский университет и т.д.⁸⁴. С развитием мануфактурного производства, а также увеличением влияния городской буржуазии самурайство постепенно пришло к экономическому вырождению. Возрастала долговая зависимость самураев и влиятельных даймё от ростовщиков. Самурайское сословие постепенно теряло все свои привилегии: отмена харакири, право носить оружие, введение всеобщей воинской повинности. Таким образом, самурайское сословие постепенно растворилось в новом японском обществе, хотя дети самураев, получавшие высшее образование, оказались наиболее быстро приспособляющимися к столь быстро меняющимся

⁸¹ Норман Г. Становление капиталистической Японии. Экон. и полит. проблемы периода Мэйдзи. М., 1952. С. 22

⁸² Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009. С. 195

⁸³ Там же, с. 233

⁸⁴ Там же, с. 271, 328, 362

условиям⁸⁵. Последовавшие за обозначенными реформами недовольства, выразившиеся в виде самурайских восстаний, были подавлены очень быстро. В то же время, правительство искало возможности для встраивания самураев в новую социальную структуру. Начиная с 1869 г., оно приняло ряд мер о предоставлении самураям небольших кредитов, при помощи которых они могли бы стать скромными торговцами или предпринимателями...правительство стремилось привлечь самураев в промышленность в качестве директоров, мастеров или даже простых рабочих, а также к освоению пустующих земель, главным образом на Хоккайдо, с тем чтобы они могли стать самостоятельными производителями⁸⁶.

Модернизация, проводимая Мэйдзи и его правительством, носила органичный характер, что проявилось в последовательном встраивании западных образцов в японское общество и экономику. В результате проведенной модернизации произошло качественное обновление общества на основании сочетания западных образцов развития с традиционной культурой и экономикой Японии. Характер взаимодействия социальных сил в процессе данной органичной модернизации может быть отнесен к конфликтному симбиозу и синтезу, что проявилось, к примеру, в исчезновении самурайского сословия.

Разрешение социальных противоречий в США в XIX веке на этапе гражданской войны происходило путем уничтожения одних социальных сил другими, а в дальнейшем – путем компромисса между социальными силами. И если в Японии в период правления Мэйдзи модернизация проходила по инициативе государства, «сверху», то в Соединенных Штатах модернизация началась с распада государства во время отделения Южных штатов и в ходе противостояния Севера и Юга.

К середине XIX века в рамках США сосуществовали два различных экономических региона, которые хотя и были тесно связаны между собой, оставались все же самостоятельными⁸⁷. Общество Юга складывалось как сугубо аграрное, сельское, в то время как Север представлял собой промышленный

⁸⁵ Там же, с. 363

⁸⁶ Норман Г. Становление капиталистической Японии. Экон. и полит. проблемы периода Мэйдзи. М., 1952. С. 81

⁸⁷ URL: <http://america-xix.org.ru/>

регион, ориентированный на интенсивный способ производства. Для растущего как финансово, так и демографически Северного региона решающим становится вопрос расширения своей территории за счет южных земель. В то время как экспансия плантаторов Юга ускорила процесс размежевания в стране, изменения в экономике прибрежных штатов и бурное развитие Северо-Запада привели к серьезным сдвигам в структуре общества⁸⁸. Прежде всего, это касается субъектов модернизации в лице предпринимательского элемента. Набирало экономическую силу и богатело поколение предпринимателей Севера, и они уже не могли смотреть с невозмутимостью на постоянное доминирование заносчивых джентльменов с Юга при принятии решений по наиболее существенным вопросам управления государством⁸⁹. После победы Севера возникла возможность для стремительного капиталистического развития на территории Юга. На Юге произошло возникновение прочного среднего класса, состоявшего из независимых фермеров, лавочников, мелких коммерсантов, мелких банкиров и предпринимателей, а также из людей свободных профессий⁹⁰.

Американское общество представляло собой эклектичное собрание иммигрировавших англичан, ирландцев, немцев, голландцев, скандинавов и др. Главными факторами массовой иммиграции стали наличие свободных земель и потенциальные возможности социальной мобильности. Следовательно, выстраивавшаяся социальная структура на Северо-Западе предполагала договорной характер социальных отношений.

Активизация рабочего, фермерского и общедемократического движения (прогрессивизм) – движения необычайно пестрого и по природе, и по составу инициативного ядра – выдвинула на авансцену политической жизни США в первые два десятилетия XX века плеяду выдающихся лидеров-реформаторов, очень несхожих по взглядам на методы модернизации страны⁹¹. Однако все они, вступая в ожесточенные споры между собой, фактически разделяли общую

⁸⁸ Куропятник Г.П. Гражданская война в Северной Америке 1861-1865. М., 2009. С. 81

⁸⁹ Там же

⁹⁰ Невинс С. История США: От англ. колонии до мировой державы / С. Невинс, Г. Коммаджер. Нью-Йорк, 1991. С. 262

⁹¹ Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 51

метаидею «американизма»: страна, чего бы ей это ни стоило, должна осознанно быть открытой вызовам индустриальной эры и развиваться опережающими темпами⁹². Таким образом, можно говорить о формировании общеамериканских приоритетов развития, т.е. возможности преодоления противоречий между различными социальными силами посредством динамичного сосуществования. В процессе осуществления «нового курса» Ф. Д. Рузвельта также проявилась тенденция к компромиссу между представителями политического класса и деловыми кругами. Рассматривая отношения между американской буржуазией и администрацией Ф. Д. Рузвельта, относительно проводимой ею поэтапно политики (первый этап: 1933 г. – апрель-май 1935 г., второй этап: апрель-май 1935 г. – ноябрь 1936 г., третий этап: начиная с 1936 г.), можно отметить, что именно третий этап, по мнению, Кредера А. А., был сопряжен с признанием необратимости большинства реформ, поискам конструктивной альтернативы неолиберализму «нового курса», взаимным стремлением буржуазии и правительства достичь более лояльных отношений, стимулируемых, приближающейся войной⁹³. Модернизация Северной Америки, начиная с гражданской войны XIX века и заканчивая «новым курсом» Ф. Д. Рузвельта, может быть охарактеризована как органичная, а способ взаимодействия социальных сил в период гражданской войны можно отнести к конфликтному симбиозу и синтезу, а в дальнейшем – к динамичному симбиозу и синтезу, что проявилось в компромиссной подходе со стороны правительства и предпринимательских кругов в нахождении пути развития американского общества.

Потребность в обращении к историческому опыту модернизации Западной Германии в период 1945-1960 гг., поиска субъектов социальных и экономических изменений объясняется уникальностью проведенных преобразований в условиях полной дезинтеграции социальных акторов и отсутствии в рассматриваемый период четкой социальной структуры.

⁹² Там же

⁹³ Кредер А.А. Американская буржуазия и «Новый курс». Саратов, 1988. С. 188

Реализованную на практике модель преобразований можно отнести к образцу органичной модернизации. Органичность модернизации Западной Германии 1945-1960 гг. проявилась в результате возникновения и эволюции многообразных социальных групп не насильственно и заново создаваемых государством, а существовавших и формировавшихся внутри образовавшейся социальной среды из остатков разрушенной войной и иностранной оккупацией социальной структуры. Таким образом, наличие деформированной социальной структуры послужило благодатной почвой для появления и самоорганизации различных эндогенных социальных, культурных и экономических инициатив.

Таким образом, можно выделить две группы субъектов послевоенной модернизации Западной Германии. Первая группа субъектов модернизации 1945-1960 гг.: «вчерашие» военнослужащие. Эрхардовские реформы, в объявленной части адресованные к частному интересу, в социальном плане востребовали волевые организаторские начала, носителем которых был перенесенный в гражданское общество офицерский корпус, вошедший во все коридоры социального организма, необходимо трансформирующегося под напором этого нового слоя⁹⁴.

Экономическая политика, проводимая под руководством Л. Эрхарда, способствовала созданию новых форм занятости населения в Западной Германии. Одним из таких путей для многих немцев стала сверхурочная работа, оплата за которую по новым правилам не облагалась подоходным налогом⁹⁵.

Вторая группа субъектов модернизации послевоенной Западной Германии – переселенцы из Восточной Германии в результате масштабной миграции. В западной части Германии образовывались зоны быстрого экономического роста, где занятость была намного выше, чем по стране⁹⁶. Многие выходцы из Восточной части Германии, а также Польши и Чехословакии смогли перенести на

⁹⁴ Исаков Л.А. Не только Эрхард, или Исторические основания социально-рыночного хозяйства ФРГ // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России; под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. М., 2007. С. 162

⁹⁵ Васина Л.Л. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика / Л.Л. Васина, В.П. Гутник, Б.Е. Зарицкий, А.Ю. Чепуренко. М., 2001. С. 91

⁹⁶ Травин Д. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1. М., СПб., 2004. С. 547

западные земли свои заводы и получили возможность для осуществления своих предпринимательских идей. Это были и инженеры одного из крупнейших на сегодняшний день производителей легковых автомобилей Audi, сотрудники компании по производству запчастей (Kirchbach'sche (KW)), сотрудники завода по производству фрезеровочных станков Wandere-Werke, компания по производству сигарет с фильтром Hauni Maschinenbau и т.д.⁹⁷. Это был приток из Восточной Германии менеджеров и квалифицированных рабочих частично из-за большой разницы в оплате труда в ФРГ по сравнению с ГДР⁹⁸.

Особое место в модернизации послевоенной Германии занимали профсоюзы и их подъем на фоне реконструирующейся экономики. Некоторые исследователи полагают, что рабочие лидеры сознательно не использовали все имеющиеся в их распоряжении возможности для «выбивания» высокой зарплаты, поскольку понимали: стране следует решать важные внеклассовые проблемы, одинаково актуальные для каждого гражданина⁹⁹. Такое поведение населения говорит о массовом понимании в обществе национальных проблем, возникновении и усилении социальной сплоченности.

На протяжении 1945-1950-х гг. ярко проявлялась тенденция сохранить собственную социальную и культурную идентичность, а также стремление к определению новых ценностей и идеалов возрождающейся Германии. Этот факт проявился в следующем: критическое отношение к американскому образу жизни, поддержка собственного кинематографа, радио и т.д. Происходило конкурентное сосуществование эндогенных (базирующихся на «старых ценностях») и новых экзогенных (привнесенных прежде всего из американской социальной и культурной жизни) социокультурных форм. Например, большинство представителей старшего поколения немцев не собирались искать новых источников, но охотнее пытались реконструировать то, что они считали «хорошими» культурными и идеологическими традициями, обращаясь к

⁹⁷ Сумленный С. Создавая Германию // Эксперт. Специальный выпуск. Всемирная история модернизаций. 2010. №1 (687). С. 72

⁹⁸ Perkins J. Restoration and Renewal? West Germany since 1945 // Contemporary European History. 1999. Vol. 8(3). P. 494

⁹⁹ Травин Д. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. М.; СПб., 2004. С. 558

прошлым временам, до подъема деструктивной и «нигилистической» диктатуры Гитлера¹⁰⁰. Процесс разработки нового направления развития затронул все сферы жизни западногерманского общества. Множество институтов было включено в эту специфическую попытку восстановления: церкви, школы, суды, управления на государственном и местном уровнях и, чтобы не быть упущенной из виду - промышленность через свои ассоциации¹⁰¹.

Таким образом, делая акцент на внутренние возможности трансформирующегося немецкого общества, проводимая модернизация была органичной по своей природе и способствовала формированию и проявлению социальной сплоченности, развитию различных форм и образцов самоорганизации.

Таким образом:

1. В период послевоенной реконструкции 1945-1960 гг. в Западной Германии существовали «расплывчатые», «неоформленные» группы потенциальных субъектов модернизации, включающие в себя беженцев, «вчерашних» военных, мигрантов, которые в условиях разрушенной войной экономики вынуждены были создавать новые экономические формы и практики для выживания.

2. Особое место занимает социальная группа предпринимателей, которые бежали из Восточной Германии, Чехии, Польши в период 1945-1950 гг. и даже в течение следующих 5 лет. Ее можно характеризовать как наиболее «продвинутую» группу субъектов модернизации в технологическом, инновационном плане, поскольку они являлись «переносчиками», а в дальнейшем и создателями новых моделей социального и экономического поведения.

В целом проведенные реформы Л. Эрхарда носили органичный характер, поскольку:

¹⁰⁰ Berghahn Volker R. Recasting Bourgeois Germany // The Miracle years. A cultural history of West Germany, 1949 – 1968. 2001. P. 333

¹⁰¹ Там же

1. Имели целью увеличение свободы занятия предпринимательской деятельностью, способствовали увеличению конкуренции среди предпринимателей, поощряли новые формы экономической занятости.

2. Были направлены на поиск нового, «собственного» экономического и исторического пути Западной Германии, а также определению и закреплению новой роли на международном рынке разделения труда.

В ходе проводимой модернизации ярко проявилась тенденция к формированию новой идентичности, основанной, с одной стороны, на «старых» (периода диктатуры Гитлера) ценностях, с другой стороны, и на новых (в частности, ценностях общества потребления). Это выражалось в поддержке всех форм и образцов поведения появляющихся субъектов, конструирующих пространство новой идентичности, одновременно либо отвергая, либо корректируя, к примеру, попытки привнесения во все сферы жизни общества «американского образа жизни». Подводя итог, можно заключить, что характер взаимодействия между различными социальными силами в процессе модернизации носил черты динамичного симбиоза и синтеза, что проявилось в консолидации и поиске компромиссных форм взаимодействия в послевоенном германском обществе.

Модернизация, проводимая в период с 1951-1964 гг. в Индии, проводилась при наличии двух противоборствующих сторон. Правящей политической партией после обретения политической независимости был Индийский национальный конгресс (далее ИНК). Существовало два подхода к дальнейшему развитию страны. Одна линия – всемерное и ограниченное развитие частнокапиталистического предпринимательства, компромисс с феодально-помещичьим классом и князьями, подавление борьбы трудящихся и ориентация во внешней политике на западные страны — была представлена в руководстве Конгресса правой группировкой во главе с Валлабхаи Пателем, заместителем премьер-министра и министром внутренних дел¹⁰². Другая линия —

¹⁰² Антонова К. А. История Индии. Краткий очерк / К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. М., 1973. С. 497

преимущественное развитие государственного сектора, внесение планового начала в систему государственного регулирования развития национальной экономики, постепенное проведение антифеодалных аграрных и других преобразований, осуществление определенных мер по улучшению жизни трудящихся и следование нейтралистскому, антиколониальному по своей сущности курсу во внешней политике — была отражена в программных установках Джавахарлала Неру¹⁰³. Курс Д. Неру был рассчитан на более широкие слои населения, в том числе на мелких собственников (арендаторов и субарендаторов).

Д. Неру, несмотря на противодействие консервативных сил, еще в первые послевоенные годы в значительной мере удалось осуществить намеченный им политический курс¹⁰⁴.

В результате победы сторонников курса Д. Неру на ближайших выборах в ИНК, проводимая модернизация имела характер компромисса между различными слоями населения Индии. Такому протеканию процесса модернизации также способствовали и принципы «гандизма», которых Д. Неру придерживался на протяжении всего периода преобразований, – бесконфликтность, толерантность. Немаловажную роль в этом сыграло и наложение социально-классовой системы на кастовую¹⁰⁵. Изначально сложная кастовая система Индии предполагала существование различных каст на основе согласованного взаимодействия и постепенного внесения необходимых изменений в данную систему, что в дальнейшем явилось предпосылкой к проведению органичной модернизации. «Курс Неру» предполагал активное воздействие государства на частный сектор, что выражалось в следующем: 1) поддержка развития частнокапиталистического уклада в целом; 2) поддержка кустарной промышленности как резервуара занятости населения путем содействия сбыту ее продукции, в том числе за счет субсидирования; 3) содействие развитию частнокапиталистического уклада в

¹⁰³ Там же, с. 497

¹⁰⁴ Там же

¹⁰⁵ Этносоциальная ситуация в Индии и СССР. Сборник статей Индийско-советского семинара // отв. ред. Сингх К.С., Куценков А.А., Семашко И.М. Ленинград, 1990. С. 31

сельском хозяйстве и т. д.¹⁰⁶. На протяжении проводимых реформ происходила корректировка курса в сторону согласованности и сбалансированности различных отраслей экономики, появления субъектов модернизации. К примеру, это выразилось в возрастании диверсификации помощи неорганизованным формам предпринимательства, т.е. кустарной и деревенской промышленности, а также мелким и средним сельскохозяйственным производителям¹⁰⁷. Таким образом, модернизацию, проводимую в период правления Д. Неру, можно отнести к органичному виду. Взаимодействие между социальными силами, преимущественно носящее компромиссный характер, может быть охарактеризовано как динамичный симбиоз и синтез.

Модернизация, проводимая Мао Цзэдуном в период с 1949-1976 гг., является примером проявления неразрешенности конфликта, созревшего внутри китайского общества к середине XX века. Противоборствующая сторона во главе с Чан Кайши, отстаивавшая интересы растущего класса предпринимателей и земельных собственников, была подавлена сторонниками Мао Цзэдуна и оформилась в независимое государство Тайвань.

Модернизации в КНР, проводимой Мао Цзэдуном в период 1949-1969 гг., предшествовала серьезная полемика среди представителей различных политических направлений. «Тоталитарная модель» была представлена в качестве модернизационного проекта Чан Кайши, опирающегося на опыт построения фашистского государства в Германии. Вторая модель – это демократическая модель развития англо-американского образца, представителями которой были Ху Ши, Ло Лунцзи, Чэнь Сюйцзин¹⁰⁸. И, наконец, третья модель модернизации – социалистическая.

«Тоталитарная модель» не могла привести к тем результатам, которые были достигнуты в Германии, поскольку Китай имел слишком слабую экономическую

¹⁰⁶ Маляров О.В. Экономическая реформа в Индии. М., 2007. С. 5

¹⁰⁷ Малыгин С.В. Экономика и социальное развитие Индии и Пакистана в период независимости. М., 1992. С. 49

¹⁰⁸ Гуань Хайтин Дискуссии в Китае 1930-х годов о путях модернизации страны // Проблемы Дальнего Востока. 1997. №6. С. 110

базу, которую нельзя было изменить в течение короткого времени¹⁰⁹. Кроме того, традиционная политическая идеология Китая (конфуцианство) была несовместима с идеологией фашистской диктатуры¹¹⁰.

Так и модель развития англо-американского образца не смогла закрепиться в китайском обществе ввиду только начинающегося формирования класса буржуазии, а среди крестьянства подобная концепция не могла быть воспринята. С точки зрения философских и религиозных воззрений, либеральная модель не сочеталась с социальными нормами и моделями поведения в китайском обществе.

В результате противостояния моделей модернизации победа оказалась за программой, предложенной Коммунистической Партией Китая (далее КПК). Причин для этого несколько. Китайскому обществу был необходим практический пример общественного устройства. Победа Октябрьской революции дала конкретный, что существенно для китайского менталитета, пример общественного устройства, которое сумело утвердить себя во враждебном внешнем окружении¹¹¹. Еще одна причина – близость КПК к крестьянству – позволила партии предложить аграрную программу, обеспечивающую ей широкую социальную базу¹¹². Трансформации, происходившие в Китае с середины XIX века в форме восстаний и революций, требовали логического завершения. Для этого необходимо было наличие соответствующей политической силы. Стало ясно, что преобразования пойдут только под руководством политических партий авангардного типа, характерных для стран, не сумевших найти внутренние ресурсы (государство или класс) для движения вперед, но при обязательном участии армии, компенсирующей отсутствие массовой социальной поддержки строгой дисциплиной и организацией¹¹³.

Таким образом, недостаток внутренних факторов и необходимых социальных групп способствовал объединению большинства людей «мобилизационным» способом без использования потенциала самоорганизации

¹⁰⁹ Там же, с. 113

¹¹⁰ Там же

¹¹¹ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005. С. 78

¹¹² Там же, с. 87

¹¹³ Там же, с. 88

китайского общества. Патерналистские, патриархальные настроения, преобладающие у большинства населения, не позволили в тот период доминировать инновационному типу мышления.

Пришедший к власти Мао Цзэдун вместе со своими сторонниками КПК претворил в жизнь свои идеи по модернизации в попытке реализации «большого скачка» и «культурной революции». «Культурная революция», по мысли ее инициаторов, должна была послужить политической, идеологической и организационной подготовкой к беспрепятственному осуществлению как внешнеполитического, так и внутри политического курсов, которые были направлены на подъем военно-экономического потенциала страны с шовинистическими целями¹¹⁴. Некоторые из проводимых программ модернизации представляли собой деструктивные социально-экономические формы, которые в дальнейшем привели к обратному эффекту (архаизации и примитивизации социальной и экономической жизни страны). К примеру, такой была программа создания «дворовых доменных печей». Нефтепромыслы Дацина, представлявшиеся как «самообеспечивающееся хозяйство», по факту являлись скорее имитационной формой экономического развития, поскольку обеспечивались государственными дотациями и новейшей техникой¹¹⁵. КПК также пыталась навязать принципы самоорганизации через насильственно созданные формы. Пропаганда лозунга «опоры на собственные силы» нацеливала предприятия на создания самообеспечивающихся комплексов как в рамках отдельного предприятия, так и в пределах провинций, автономных районов и других административных единиц¹¹⁶. В реальности это приводило к примитивизации форм через создание «гибрида» (т.е. самоорганизация в специфической форме).

В ходе «культурной революции» были отвергнуты и исключены из общественной жизни многие представители интеллигенции и научно-технических кадров, что приводило к упадку многих отраслей промышленности.

¹¹⁴ Муромцева З.А. Китайская народная республика: путь к индустриализации нового типа. М., 2009. С. 66

¹¹⁵ Там же, с. 67

¹¹⁶ Там же, с. 74–75

В итоге проведенные в годы правления Мао Цзэдуна реформы привели к основательной трансформации китайского общества, разрушив ряд его традиционных форм, были насильственно созданы такие формы социально-экономической жизни, в результате которых произошла деградация культуры и социальной структуры. Таким образом, проведенную модернизацию необходимо отнести к мобилизационному виду модернизации.

Обратимся к опыту модернизации посткоммунистических стран Восточной Европы. К характерным особенностям, ставшим, с одной стороны, барьерами, с другой, уникальными историческими особенностями, доставшимися от эпохи коммунизма странам Восточной Европы, относятся следующие:

1. Особая трудовая этика, негативные стороны которой проявляются в приписках, нерациональном использовании рабочего времени среди работников предприятий.
2. Преобладания неформальных связей и сетей в отношении решения различных вопросов как частной, так и общественной жизни. Лоббирование интересов отдельных социальных групп.
3. Узкий экономический профиль некоторых из посткоммунистических стран, что затрудняет развитие сбалансированной экономики внутри государства и требует больших институциональных преобразований, чем в соседних странах.
4. Специфический фактор в преобразовании посткоммунистических обществ отражает то непредвиденное обстоятельство, которое выражается в особых условиях совпадения на фоне меняющейся экономики изменения роли религии, национального самосознания после распада Советского Союза¹¹⁷.

Весьма значительна роль предшествующего исторического развития, что выразилось в увеличении количества предпринимателей в экономиках восточноевропейских стран. Если мы обратимся к истории сельского хозяйства в Польше, а также Чехословакии, то обнаружим, что слой мелкого предпринимательства всегда присутствовал в этих экономиках. Польша положила

¹¹⁷ Spohn W. Transformation process, Modernization Patterns, and Collective Identities: Democratization, Nationalism, and Religion in Postcommunist Germany, Poland and Russia // Postcommunist transformation and the social sciences: cross-disciplinary approaches. Lanham, 2002.

начало экономическому прорыву с классом мелкого предпринимательства, используя местный капитал, который длительное время напоминал об отсутствии равного ему, где бы то ни было в Восточной Европе¹¹⁸. Кроме того, цели проводимых реформ были разными, так же, как и способы приватизации. В Чехословакии, и впоследствии в Чешской республике, цель была недвусмысленной – создать класс мелких предпринимателей настолько быстро, насколько это возможно¹¹⁹.

В посткоммунистических обществах стран Восточной Европы по-прежнему большую роль в решении вопросов социальной жизни играют неформальные практики и сети, что выражается в использовании простыми гражданами неформальности как стратегии преодоления, когда имеют дело с заядлой бюрократией и комплексом правил и регуляторов, вызванных переходом¹²⁰.

Несмотря на значительное участие государственных органов в решении частных проблем граждан, в предпринимательстве, к примеру, возникает потребность в предоставлении большей свободы деятельности. В настоящее время общим направлением Восточно-Центрального Европейского перехода является, по существу, курс экономических реформ – «меньше государства, больше частного предпринимательства и рынка»¹²¹. Такое направление способствует росту числа новых экономических и социальных субъектов, формирующих новое социально-экономическое пространство и способствующих «запуску» процессов обновления. Результатом этих изменений становится также и трансформация социальной структуры посткоммунистических стран. К примеру, в Польше главной новой тенденцией было появление истинной буржуазии, вышедшей из числа крупных работодателей, а также появление новых

¹¹⁸ Buchowski M. Rethinking transformation: an anthropological perspective on post-socialism. Poznań, 2001. P. 96

¹¹⁹ Myant Martin R. Transition economies. Political economy in Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Hoboken, 2011. P. 230–231.

¹²⁰ Grødeland Åse B. Informal Practice, Cultural Capital and Politics in the Czech Republic, Slovenia, Bulgaria and Romania // Pickles J. State and society in Post-Socialist Economies. Basingstoke, 2008. P. 248

¹²¹ Kostecki W. Transformation of post-communist states. Basingstoke, 2000. P. 230

классовых позиций, таких, как обслуживающие работники, заводские работники и работники, занятые в частном предпринимательстве¹²².

Таким образом, можно выделить следующие группы субъектов модернизации в странах Восточной Европы, а также их ключевые характеристики:

1. Представители малого и среднего бизнеса. Особым условием является географическая близость и общность экономических правил соседних стран Европейского союза, что позволяет включить сюда и некоторые интегрированные между странами формы бизнеса. Большое количество малых предприятий и фирм в Чехии, Венгрии и Польше. Преемственность в бизнес-среде этих стран.

2. Гражданские активисты, участники различных социальных движений, некоммерческих организаций. Огромное разнообразие форм гражданской активности: экологические движения, движения в поддержку ветеранов, волонтерские организации и т.д.

3. Неправительственные организации. Выступают зачастую в роли экспертов при внедрении различных общественных проектов, имеют возможность реального влияния на ход общественной жизни, принятия или отклонения тех или иных проектов.

4. Научные центры. Различные научные школы, исследовательские лаборатории. Специфика проявляется в потребности постоянной мобильности сотрудников, выражающейся в различных стажировках, наличии множества программ для ученых и исследователей, работе по проектам в странах Европейского союза.

Среди проявлений многообразия гражданских инициатив в посткоммунистических странах Восточной Европы одним из ярких примеров является гражданская активность в Чехии. Это неправительственные организации, предпочитающие действовать в рамках традиционных ролей, ассоциируемых с

¹²² Peoples Clayton D. Consistency in the Midst of Change: Class and Value Stability in Poland. 1988-2003 // Comparative Sociology. 2011. №10. P. 133

«мозговым центром»: они исследуют и консультируют непосредственно по проблемам политики; оценивают правительственные программы; содействуют налаживанию связей и обмену идеями¹²³; и множество внутренних инициатив, выражающихся в активности на уровне местного сообщества¹²⁴. Гражданская активность в Словакии также имеет свои особенности: для нее характерны небольшие местные протесты¹²⁵.

Таким образом, потенциальные и актуальные субъекты модернизации посткоммунистических стран Восточной Европы представлены различными экономическими акторами, разнообразными гражданскими инициативами, что говорит о наличии потенциала для осуществления органичной модернизации. Взаимодействие социальных сил в процессе модернизации скорее можно охарактеризовать как динамичный симбиоз и синтез.

Основные выводы.

1. Многообразие и мобильность социально-экономических форм, способность трансформироваться на протяжении длительного времени и сохранять наследие, накопленное предыдущими участниками различных общественных объединений, гражданских инициатив.

2. До сих пор сохраняющиеся трудности в переходе от модели плановой экономики к рыночной, выражающиеся в несовпадении, асинхронности развития различных институтов общества, несбалансированности экономики. В то же время четкое разделение на страны-лидеры и страны-аутсайдеры в процессах обновления, а также в процессах адаптации к новым условиям.

3. Значительное влияние предшествующего исторического развития, что выражается в наличии определенных социальных групп и их способности встраиваться в социально-экономическое пространство трансформирующихся обществ.

¹²³ Cadier D. Can civil society play a role in foreign policy? Societal groups in the Czech Republic // Fischer S. Civil society in Central and Eastern Europe. Stuttgart, 2010. P. 148

¹²⁴ Vajdova Z. Local community transformation: The Czech Republic 1990-2000 // Local communities and post-communist transformation. London, 2003. P. 153

¹²⁵ Mudde C. Civil society in post-communist Europe. Lessons from the “dark side” // Uncivil society? Contentious politics in post-communist Europe. London, 2003. P. 166

Основываясь на сравнительном анализе модернизаций Северной Америки, начиная с гражданской войны XIX века и заканчивая «новым курсом» Ф. Д. Рузвельта, Индии XX века в период правления Д. Неру, Японии XIX в период правления Мэйдзи, модернизации Западной Германии в период 1945-1960 гг., модернизации Китая в период 1949-1976 гг., модернизации посткоммунистических стран Восточной Европы в период 1989г. и в 1990-е гг. и на современном этапе развития, мы приходим к следующему заключению:

1. Органичная модернизация представляет собой синхронность процессов развития различных сфер общества (социальной, экономической, политической, духовной) в процессе преобразований, отражая, таким образом, соответствие социальной формы социальному содержанию.

2. Мобилизационная модернизация представляет собой асинхронность процессов развития различных сфер общества (социальной, экономической, политической, духовной), отражая, таким образом, несоответствие социальной формы социальному содержанию.

3. Взаимодействие между противодействующими социальными силами в процессе органичной модернизации может выражаться как в форме поглощения, так и в форме компромисса.

4. В обществе в процессе модернизации всегда присутствуют социальные субъекты, являющиеся потенциальными или актуальными субъектами органичной или мобилизационной модернизации.

Таким образом, на основании выделенных характеристик органичной модернизации и сравнительном анализе исторических образцов модернизации можно сделать вывод, что характер органичной модернизации обусловлен двумя видами взаимодействия социальных сил:

- конфликтным симбиозом;
- динамичным симбиозом и синтезом.

Конфликтный симбиоз – это форма сосуществования противоборствующих социальных субъектов, при которой они формально интегрируются таким образом, что сосуществуют либо в состоянии

перманентного конфликта, либо через вытеснения одних другими и изменения места в социальной структуре. Описываемые процессы имеют место вследствие того, что происходит несовпадение интересов и потребностей социальных субъектов, которые не могут быть удовлетворены достигнутым компромиссом. В этом случае социум может приобретать новое качество в результате установления доминирования одних социальных субъектов над другими и доступа к большему количеству ресурсов для доминирующих субъектов.

Динамичный симбиоз и синтез представляют собой форму сосуществования социальных сил, при которой субъекты изменений фактически интегрируются таким образом, что, имея противоположные интересы и потребности, действуют в одном направлении в процессе модернизации. Такая общность приобретает в процессе саморегулирования некое новое качество (системное качество) через взаимодополнение участников взаимодействия, образуя тем самым целостность, обладающую набором характеристик, являющихся результатом синтеза тактик поведения и способов взаимодействия различных социальных субъектов. Сравнительный анализ исторических образцов модернизаций разных стран в различные исторические периоды и выявление форм взаимодействия социальных субъектов в процессе органичной модернизации позволяет под новым углом зрения обратиться к анализу опыта модернизаций России в период XVII-XX вв., прежде всего, с целью анализа процессов модернизации и взаимодействия социальных сил.

Таким образом, выделенные признаки модернизации позволяют различить ее с революцией; определить ее как *качественное целостное обновление социума без его разрушения путем вырастания новых социальных форм рядом со старыми и их интеграции (взаимодействия) и конвергенции (сближения)*. Можно выделить два вида модернизации: органичную и мобилизационную, где органичная модернизация является результатом процессов самоорганизации в обществе и может проявляться в двух видах: конфликтном симбиозе и динамичном симбиозе и синтезе. Сделанные выводы являются основанием для

перехода ко второй части исследования. В качестве эмпирической базы используются материалы по процессам модернизации России периода XVII-XX вв. и современной России.

ГЛАВА 2 ОРГАНИЗАЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

2.1. Субъекты и субкультуры модернизации России

На протяжении XVII-XX вв. различные преобразования, происходившие в России, способствовали появлению совершенно новых субъектов социально-экономических отношений. Основываясь на общепринятом подходе к определению происходивших изменений в определенные периоды российской истории как *модернизации* общества, необходимо провести сравнительный анализ следующих попыток преобразований страны: модернизация, проводимая Петром I, реформы периода правления Екатерины II, реформы Александра II, реформы Столыпина П. А., индустриализация 30-х гг. XX в., реформы периода «перестройки» 1985-1991 гг.

Прежде чем проводить сравнительный анализ указанных попыток модернизации, нужно обратиться к более раннему периоду российской истории. Необходимо обратить внимание на роль такого факта в российской истории, как Раскол. Существует мнение, что Раскол как таковой явился тем поворотным моментом, после которого история России пошла совершенно иным путем развития. По мнению А. Г. Глинчиковой, Раскол был важной попыткой соединить индивидуализацию веры с чувством социальной ответственности общества за судьбу государства, а ее поражение на несколько столетий «законсервировало» негражданский, патерналистский тип социума с соответствующей ему ценностной средой¹²⁶. Однако дальнейшее рассмотрение проводимых модернизаций позволяет говорить о наличии потенциала самоорганизации общества, его эволюционном, постепенном вызревании и активизации акторов,

¹²⁶ Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского Модерна // Мир России. 2009. №4. С. 72

воспроизводящих собственные органичные социокультурные практики в рамках действующего государственного устройства, несмотря на социальные, политические и экономические барьеры, выстраиваемые политическим классом.

Рассмотрим попытку модернизации Российской Империи Петром I. Говоря о субъектах и субкультурах модернизации общества при Петре I, можно выделить четыре группы:

1) Иностранцы, приглашенные Петром I для передачи опыта в различных областях знаний.

2) Приближенные, «фавориты» Петра I.

Обе группы субъектов можно отнести к носителям субкультуры модернизации.

3) Отдельные представители купечества.

4) Крестьяне, в основном оброчные, занимавшиеся различными промыслами, крепко «поставившие» свое дело (мануфактура, торговля и т.д.).

Все эти группы субъектов характеризует то, что Петр I лично содействовал их появлению. Таким образом, можно говорить о некоем спонтанном, «точечном» появлении этих субъектов, зависящих от воли царя. Например, это были следующие политические деятели: А. В. Макаров, И. П. Кутайсов, К. Г. Манштейн, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, Ф. Я. Лефорт и т.д.¹²⁷ Приближенные к царю люди часто получали поддержку в предпринимательской деятельности. Так, парусную фабрику на Клязьме построил А. Д. Меншиков в 1714 г.; в 1717 г. по именному царскому указу была учреждена шелковая компания Ф. Апраксина, П. Толстого и П. Шафирова; в 1718 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров построил суконную мануфактуру¹²⁸. Иностранные специалисты, приглашенные Петром I, успешно интегрировались в российское общество, с одной стороны, привнося специфику своей субкультуры, с другой, органично соединяясь с российской действительностью того времени.

¹²⁷ Павленко Н.И. Птенцы гнезда петрова. М., 1994.

¹²⁸ Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998. С. 53

Новой социально-экономической практикой становятся крестьянские промыслы, способствующие появлению субъектов модернизации. Одна группа крестьян, отходивших на заработки – это беднейшие крестьяне, другая – сельские богатеи, отход которых носил предпринимательский характер¹²⁹. Отходничество, начиная с положения 1649 г., было узаконено и затем поощрялось правительством и помещиками. В первой половине XVIII в. наиболее важными источниками денежных доходов крестьян стали многие виды внеземледельческих занятий – извоз, лесные промыслы, отход на водный транспорт, наемная работа в винокурении, кожевенной промышленности¹³⁰. Ряд указов Петра I стимулировал развитие капиталистических отношений в крестьянской среде. Берг-привилегия 1719 г. (именной указ от 10 декабря 1719 г.) разрешала всем лицам, в том числе и крестьянам, производить поиск полезных ископаемых и их разработку. В марте 1721 г. были сняты ограничения на устройство ткацких мануфактур. В 1723 г. было объявлено о дозволении лицам всех сословий заводить промышленные предприятия (вплоть до мануфактур)¹³¹. В результате проводимых реформ капиталистические начала все больше проникали в крестьянскую среду. Деловые люди «новой формации» составили купцам конкуренцию сначала на внутреннем рынке, а потом и на внешнем¹³².

В годы Северной Войны государственное предпринимательство развивалось в двух направлениях: во-первых, активизировалось производство в старых промышленных районах за счет расширения существовавших и строительства новых предприятий, и, во-вторых, создавались новые районы промышленного производства¹³³. В торговле далеко продвинулся процесс экономической специализации отдельных районов страны, прежде всего, Европейского Севера, промышленного центра, Приуралья и Урала, Поволжья¹³⁴.

¹²⁹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. : в 5-ти т. Т 3.М., 1993. С. 75

¹³⁰ Там же, с. 76

¹³¹ Там же, с. 77

¹³² Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998. С. 76

¹³³ Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., Питер, 2009. С. 97

¹³⁴ Там же, с. 90

Однако ход реформ показал, что все общество (как самые привилегированные его слои, так и низшие) оказывались «на службе у государства». Например, отношения собственности носили весьма «специфический» характер. В петровское время произошло формальное укрепление земельной собственности дворянства: временные держания – поместья – окончательно слились с родовыми вотчинами в единую земельную собственность¹³⁵. А в 1714 г. вышел Указ о майорате, единонаследии¹³⁶. Однако, несмотря на усиление позиций дворянства в этой сфере, была распространена практика утверждения завещаний царем¹³⁷. Эти факты указывают на то, что частной собственности в ее западноевропейском понимании в Российской Империи не существовало. По решению царя любой объект собственности мог быть в любое время использован в государственных целях. Этот факт позволяет говорить о принципиальном различии в сравнении со странами Западной Европы в отношениях между обществом и государством. И здесь налицо отсутствие одного из самых важных условий органичной модернизации – наличие личной свободы человека. К примеру, отсутствие личной свободы человека в Российской Империи проявлялось в практике насильственного перемещения различных социальных групп. После 1711 г. было опубликовано несколько указов о принудительном переселении в Петербург нескольких тысяч купцов и ремесленников из крупных и местных городов России¹³⁸. Купечество также сыграло важную роль в строительстве военно-морского флота за счет мобилизации своих ресурсов на развитие, высоких темпов деятельности, решению сверхсложных задач. С 1721 г. купцам разрешалось покупать к фабрикам и заводам целые деревни крепостных крестьян; но такие деревни в отличие от дворянских становились принадлежностью именно фабрик как учреждений, а не собственностью их владельцев, и без фабрик не могли быть

¹³⁵ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 311

¹³⁶ Там же

¹³⁷ Там же, с. 313

¹³⁸ Там же, с. 131

отчуждаемы¹³⁹. Происходило скорее стихийное, нежели упорядоченное формирование новых экономических объектов, субъектов экономических отношений, социальных групп.

В ходе модернизации каждый раз происходило заключение в определенные рамки той или иной инициативы, например, связанной с усилением социального или финансового положения, прежде всего, крестьянства. Вслед за этим происходила ответная реакция субъекта-носителя модернизации. Так произошло складывание определенной формы взаимоотношений между государством-агентом и социальным субъектом.

Своеобразной попыткой узаконить свободное перемещение лиц непривилегированных сословий стало появление в 1722 г. Табели о рангах. С одной стороны, следствием принятия Табели о рангах стало укрепление дворянства как единой сословной корпорации, с другой – в основу был положен принцип личной выслуги, обеспечивавший выходцам из иных социальных групп также возможность проникновения в состав элиты¹⁴⁰. Созданная система государственной службы в дальнейшем способствовала проникновению массы лиц из различных социальных слоев. В середине XVIII века потомственные дворяне были в меньшинстве в государственном аппарате России среди чиновничества – 1160 чел. (21,57%), представители других сословий и групп насчитывали 4219 (78,43%)¹⁴¹.

Что касается купечества, то поддерживались отдельные предприятия и купцы. С целью втягивания торговых людей в развитие промышленности использовался метод поощрения. Так, купцу Волкову был сделан «подарок» в 5 тыс. рублей, Короткову – 3, компании Бабушкина – 4, Щеголихину – в 4 тыс. рублей¹⁴². Появлявшиеся субъекты модернизации были носителями инновационных практик того времени, особенно в сравнении с иностранными новациями, но наталкивались на дисбаланс в развитии различных отраслей

¹³⁹ Богословский М. М. Петр Великий и его реформа. М., 1920. С. 85

¹⁴⁰ Каменский А.Б. От Петра до Павла: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. С. 141

¹⁴¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 216

¹⁴² Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998. С. 51

страны, поэтому не все изобретения были востребованы. Например, Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом¹⁴³, в России первые плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723 г¹⁴⁴. Большая часть русских предпринимателей Петровского времени вышла из крестьян или посадских людей. Известны такие выдающиеся фамилии русских предпринимателей, как Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Шорыгины, Зимины и т. д.¹⁴⁵.

Модернизация общества, проводимая Петром I, носила двойственный характер. С одной стороны, благодаря проводимым реформам и воле царя, на политическую и экономическую арену выдвинулся ряд талантливых людей из различных слоев общества. С другой, модернизация не смогла затронуть основную массу крестьянства и способствовать началу развития капиталистических отношений в полной мере. Опорой царя в ходе модернизации естественным образом становилось дворянство, которое, в свою очередь, было в первую очередь ориентировано на консервацию сложившихся феодально-крепостнических отношений, т.е., на самосохранение, нежели на развитие, усиление капиталистических начал.

Модернизация не смогла разрешить главное противоречие. Крестьянство было еще более закрепощено. Несмотря на начавшиеся разложение феодальных отношений и появление ростков капиталистических отношений, последовательно проводимые реформы Петра I способствовали усилению дворянства, ограничению экономической деятельности крестьянства.

Реформы Екатерины II явились продолжением начатых Петром I преобразований, направленных на преодоление отставания Российской Империи от западных держав. В течение правления Екатерины II в явной и скрытой форме проявились субъекты новых образцов поведения и новых социально-экономических практик.

¹⁴³ 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 19

¹⁴⁴ Там же, с. 20

¹⁴⁵ Там же, с. 16

К субъектам модернизации в эпоху правления Екатерины II (1762-1796 гг.) можно отнести некоторых представителей крестьянства и купечества.

Крестьяне-отходники, торговые крестьяне – так называемые «капиталистские» крестьяне – являлись субъектами модернизации, порождавшими новые формы и образцы экономических отношений. В XVII-XVIII веках в России наряду с городами возникают промышленные села, а «кустарные промыслы» крестьянства становятся массовым явлением¹⁴⁶. Способствовал развитию капиталистических отношений и ряд указов Екатерины II. Свобода промышленных занятий объявлялись указами Екатерины II от 31 июля и 23 октября 1762 г.¹⁴⁷. В районах, где преобладала оброчная система, получили развитие крестьянский отход и промыслы. В них уже в конце XVIII века образовались как небольшие, так и крупные центры крестьянской промышленности, развивающейся из крестьянских промыслов¹⁴⁸. Становление сельской буржуазии в данный период происходило достаточно интенсивно. Государственные крестьяне были наиболее подвижным элементом деревенского населения и больше всего блуждали по городам России¹⁴⁹.

«Наказ» Екатерины II закрепляет сословную структуру общества и в соответствии с этим предоставляет каждому сословию свои права и обязанности¹⁵⁰. «Учреждения о губерниях» усиливают самодержавные позиции Екатерины II. Расширился бюрократический аппарат, нарушились существующие экономические связи, в то же время появились новые города, в наиболее крупных из них начала развиваться городская инфраструктура. Однако вопреки замыслам Екатерины II реформы 1775-1785 гг. не создали общесословного городского общества¹⁵¹. В городском сообществе наблюдались иные процессы. Мигрировавшее в города торгово-промышленное крестьянство находилось в отношении тяжести налогов и повинностей в лучшем положении, чем

¹⁴⁶ Полянский Ф.Я. Накопление первоначального капитала. М., 1958. С. 76

¹⁴⁷ Цит. по: История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. : в 5-ти т. Т 3. М. Т. 3 С. 77

¹⁴⁸ Там же, с. 77

¹⁴⁹ Полянский Ф.Я. Накопление первоначального капитала. М., 1958. С. 72

¹⁵⁰ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2006. С. 115

¹⁵¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.) в 2 т. Т.1. СПб., 2000. С. 496

граждане¹⁵². Поэтому приток зажиточного и конкурентоспособного крестьянства в город вел к миграции части посадских в сельскую местность, иногда даже путем приобретения крестьянского статуса¹⁵³. К сожалению, в большинстве городов урбанистическая культура не становилась нормой. Однако, например, в городах Прибалтийского региона, особенно в Риге, намерения императрицы более или менее реализовывались благодаря предшествующему опыту, накопленному бюргерами при магдебургском праве, действовавшим там до 1785 г.¹⁵⁴. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. окончательно закрепила привилегированное положение дворянства. «Городовое положение» 1785 г. сыграло двойственную роль в развитии капиталистических отношений. С одной стороны, по мнению В. П. Портнова, грамота 1785 г. «закрепляет средневековую отсталую цеховую систему организацию ремесленников, что затруднило возникновение капиталистических мануфактур, а, следовательно, тормозило дальнейшее разложение буржуазных отношений»¹⁵⁵. В то же время, Жалованная грамота городам разрешила крестьянам как в городах, так и в уездах торговать только «своими произрастениями и рукоделиями», запретив ведение всякой иной торговли без записи в гильдию¹⁵⁶.

В отношении крестьянства был издан ряд указов, способствующих сдерживанию их экономической деятельности: указ 17 января 1765 г., по которому помещикам разрешалось отдавать провинившихся крестьян на каторжные работы; указ 22 августа 1767 г. содержал запрещение крестьянам подавать жалобы на помещиков непосредственно в руки государя¹⁵⁷.

К указам, способствующим развитию капиталистических отношений, можно отнести Указ 1775 г. о введении права открывать промышленные предприятия без какого-либо специального разрешения правительственных

¹⁵² Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы. Ленинград, 1990. С. 102

¹⁵³ Там же

¹⁵⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.) в 2 т.Т.1. СПб., 2000. С. 496

¹⁵⁵ Цит. по Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. С. 442

¹⁵⁶ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 года. Т. 3. М., 1993. С. 271

¹⁵⁷ Каменский А.Н. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999. С. 245

органов¹⁵⁸. К попытке модернизации в сельском хозяйстве можно отнести создание в 1765 г. Вольного экономического общества (далее ВЭО). Задумано как достаточно узкоспециализированное учреждение, но со временем сфера интересов его представителей была значительно расширена. У ВЭО возникла потребность не ограничиваться вопросами сельскохозяйственного производства, но заниматься и вопросами развития промышленности, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья, добычей топлива, селитры, железных и квасцовых руд, соды и прочего¹⁵⁹. Несмотря на ограниченный характер его функционирования (имеется ввиду продворянская направленность деятельности), на его заседаниях неоднократно поднимались вопросы, были представлены научные работы, затрагивавшие интересы крепостного крестьянства в сторону облегчения их положения, что позволяет говорить о наличии полемики в работе ВЭО.

Одним из важнейших нововведений, повлиявших на формирование предпринимательской инфраструктуры, стало учреждение Ассигнационного банка¹⁶⁰.

Реформы Екатерины II носили противоречивый характер. С одной стороны, идеи Просвещения приносили некую свободу в экономические взаимоотношения, с другой, усиливали крепостнические отношения, закрепляли феодальные и сословные устои.

Таким образом, в ходе модернизации во взаимоотношениях крестьян и помещиков тенденции модерна проявились односторонне. Контрагент (помещик) по отношению к субъекту (крестьянину) остался в той же модели отношений. В результате чего в структуре производственных отношений между двумя классами возникает деструкция, отношения носят конфликтный характер. Субъект перестраивает свои модели ролевого поведения – свободного предпринимателя и свободного работника, в то время как помещик, обладая максимальным набором

¹⁵⁸ Там же, с. 241

¹⁵⁹ Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765-1917. М., 1963. С. 25

¹⁶⁰ Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998. С. 109

гражданских, экономических, юридических прав, сохраняет и воспроизводит ту же модель отношений.

Говоря о субъектах модернизации эпохи реформ 1860-1880 гг. Александра II, можно выделить несколько социальных групп и субкультур российского общества. Во-первых, это некоторые представители крестьянства. С отменой крепостного права значительно возросло число лиц, обладающих формальной правоспособностью¹⁶¹. Реформа способствовала легализации сотен крепостных предпринимателей с их потаенными капиталами, которые теперь можно было использовать без оглядки на барина и другие препятствия, порождаемые крепостнической системой¹⁶². В это же время основным процессом, который происходил в крестьянской среде, было углублявшееся социальное расслоение. Субъекты новых социально-экономических отношений в лице зажиточного крестьянства (сельской буржуазии) были рассредоточены по разным районам страны: на Юге Европейской России, в Прибалтике, в Юго-Восточной Сибири¹⁶³, в основном в тех областях, где отсутствовали крепостнические отношения. Пореформенное время можно охарактеризовать бурным ростом капиталистических начал в экономике страны, которое характеризовалось увеличением производительности труда, темпов строительства машин, возникновением конкуренции в отдельных отраслях экономики (например, винокурение, сахароварение)¹⁶⁴. Появлялись весьма самобытные способы организации предпринимательской деятельности среди крестьянства. Например, Нил Владимиров скупал имения разорившихся или обедневших помещиков, платил им наличными, затем приобретенные земли закладывал в Московском крестьянском банке, а землю в виде наделов продавал окрестным крестьянам¹⁶⁵. Далее он организовал строительство целых сельских поселков, за умеренную

¹⁶¹ История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – нач. XX в. М., 2000. С. 83

¹⁶² Сущенко А.В. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации. Сер. XIX в. – XX в. Ростов-на-Дону, 2011. С. 68

¹⁶³ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850-1880 гг. М., 1978. С. 174–175

¹⁶⁴ Там же, с. 188–189

¹⁶⁵ Традиции и опыт российского предпринимательства. История и современность. М.-Волгоград, 1997. С. 100

плату крестьянин получал готовый дом, а в придачу и инструмент, и инструктаж, и хорошо организованный сбыт продукции¹⁶⁶.

Во-вторых, это купечество. «Старое» купечество в начале реформ предпочитало вкладывать деньги в текстильную и пищевую промышленность, новое поколение предпринимателей, вышедшее, в основном, из рядов государственных служащих – в железнодорожное строительство¹⁶⁷. Благодаря правительственной поддержке железнодорожное предпринимательство приобрело огромные масштабы, сложилось большое количество частных предприятий. Сформировался клан российских предпринимателей, в их числе С. С. Поляков, П. И. Губонин, В. А. Кокорев, И. С. Блюх, барон Л. Л. Кроненберг, П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк¹⁶⁸. Среди железнодорожных предпринимателей были также и выходцы из крестьянской среды, например П. И. Губонин¹⁶⁹.

В пореформенное время сложились определенные «уровни» предпринимательства, экономика была достаточно сбалансирована. Мелкий бизнес представлял большое количество индивидуальных фирм, «полные» товарищества занимали нишу среднего бизнеса и отчасти крупного бизнеса, которые могли дальше эволюционировать в товарищества на вере или коммандитные товарищества (занимавшие более высокую ступень)¹⁷⁰.

Третья группа субъектов модернизации – прогрессивное дворянство. Данную социальную группу составляют окружение императора Александра II, прежде всего, разработчики реформ и либеральные круги, предлагавшие различные проекты проведения дальнейших реформ. Большую роль в подготовке реформы сыграли многочисленные частные записки. Из них особое значение имели записки К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасского, а также записка великой княгини Елены Павловны "Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и их крестьянами", составленная с

¹⁶⁶ Там же, с. 100

¹⁶⁷ Сущенко А.В. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации. Сер. XIX в. – XX в. Ростов-на-Дону, 2011. С. 93, 115

¹⁶⁸ История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – нач. XX в. М., 2000. С. 142

¹⁶⁹ Там же, с. 143

¹⁷⁰ Там же, с. 101

помощью Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина для устройства свободного быта крестьян в имениях великой княгини¹⁷¹. Таким образом, давая оценку самодержавной политике, проводимой в отношении развития капиталистических начал в российской экономике, можно согласиться с И. Ф. Гиндиным в том, что «при стихийных процессах «усиленного роста капитализма снизу» насаждение его сверху имело в широком историческом плане второстепенное значение. По самой своей сущности прямое государственное вмешательство локализовалось в отдельных отраслях, сосредотачивалось на немногих предприятиях»¹⁷².

Необходимо отметить широкую деятельность Тверского, Московского, Петербургского дворянских собраний по составлению адресов, которые содержали предложения, направленные на корректировку курса правительственных реформ, их либерализацию. Тверское губернское собрание предлагало передать землю в собственность крестьянам, перенести налогообложение на все сословия, а также созвать собрание «выборных всех земли русской...»; московское дворянство выступило за местное самоуправление, гласное судопроизводство, обязательный выкуп крестьянских земель, публичный бюджет, свободу печати, созыв земской думы из всех классов для приготовления проекта реформ; в 1862г. Петербургское дворянское собрание обсудило составленную Царскосельским уездным предводителем Платоновым записку «О необходимости создания выборных земли русской», в которой он предлагал всем сословиям избрать Государственную земскую думу¹⁷³. Необходимо отметить особую роль в деятельности земских собраний И. И. Петрункевича. Он был сторонником эволюционного пути реформирования страны, основанном на взаимодействии различных общественно-политических течений. В брошюре «Очередные задачи земства» он обозначил свои основные позиции. Петрункевич призывал к «единению прогрессивного общества с целью подчинить правительство интересам народа»¹⁷⁴.

¹⁷¹ URL: http://www.originweb.info/education/russian_history/platonov/ch3s11p03.html

¹⁷² Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850-1880 гг. М., 1978. С. 260

¹⁷³ Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – нач. XX в. СПб., 1996. С. 47–48

¹⁷⁴ Там же, с. 60

Положением 1 января 1864 г. о земских учреждениях введение земств предусматривалось в 34 губерниях, т.е. примерно в половине губерний страны¹⁷⁵. Несмотря на то, что впоследствии деятельность земств сильно ограничивалась со стороны органов государственной власти, жестко регулировавших, прежде всего, политическую деятельность, эта реформа способствовала пробуждению начал самоорганизации различных социальных сил. Специфика самоорганизации проявилась в нескольких аспектах: административно-территориальном и профессиональном. Отсюда возникла следующая группа субъектов модернизации – земские деятели. В эту группу входили земские врачи, учителя, статистики, агрономы и ветеринары¹⁷⁶. В дальнейшем благодаря деятельности земств происходит формирование протопрофессиональных и профессиональных групп. Наблюдаются процессы консолидации земств, а также их стремление к самоорганизации. В 1871 г. выдвигаются предложения о включении земских представителей в правительственную комиссию по преобразованию подушной подати; в 1872 г. Владимирские губернские гласные подали адрес о разрешении общеземского съезда, но правительство ответило отказом¹⁷⁷. Земства сыграли значительную роль в решении местных хозяйственных и культурных вопросов: в организации местного мелкого кредита путем образования крестьянских ссудо-сберегательных товариществ; в устройстве почт, дорожном строительстве, в организации медицинской помощи в деревне, народного образования¹⁷⁸. Таким образом, роль земств в создании среднего класса через преобразование сегментов дворянства и крестьянства и обеспечения их нетрадиционными видами деятельности была причиной для создания среднего класса в поздней Российской Империи; им принадлежала главная роль, особенно в провинции, связанная за пределами двух капиталов¹⁷⁹.

¹⁷⁵ Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – нач. XX в. М., 2000. С. 22

¹⁷⁶ См. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. Глава 3. С. 117–169

¹⁷⁷ Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – нач. XX в. СПб., 1996. С. 56

¹⁷⁸ Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – нач. XX в. М., 2000. С. 23

¹⁷⁹ Timberlake Charles E. The zemstvo and the development of a Russian middle class // Between Tsar and people: educated society and the quest for public identity in late imperial Russia. NJ., 1991. P. 179

Особое место в пореформенный период занимали разночинцы. Данную социальную группу необходимо рассмотреть как потенциальную среду для вызревания особого рода субъектов-носителей «нового» в реформирующемся обществе. Феномен разночинцев был тесно связан с ростом ресурсов рабочей силы, благодаря чему создавались многочисленные кадры специалистов и профессиональные категории¹⁸⁰. История разночинцев говорит о том, что еще до появления земств и задолго до индустриального переворота 80-х и 90-х годов XIX в. Россия имела опыт протопрофессиональной подготовки и профессиональной работы вне государственных институтов¹⁸¹. Несмотря на отсутствие в Российской Империи так называемого «третьего элемента» в его западноевропейском понимании (т.е. относительно сплоченного и значительного по своим масштабам класса), необходимо обратиться к другой трактовке феномена «третьего элемента». Если применить иные критерии и ограничить русские средние классы понятием самоопределения, особенно понятиями «независимого» и спонтанного создания идентичностей или общественного положения, исходя из публичной или социальной роли, то можно увидеть, что русские средние классы...составляли более значительную социальную часть, чем обычно думают¹⁸².

Старообрядческая среда стала в пореформенное время одной из сфер, которая способствовала складыванию особой предпринимательской субкультуры, обладающей своеобразной предпринимательской этикой и позволяющей формировать устойчивые социально-экономические структуры. К примеру, старообрядческие общины представляли собой не только хорошо отлаженные производственные «механизмы», но и своеобразные банки, которые занимались кредитованием своих единоверцев¹⁸³. К пореформенному времени сложилось уже «второе поколение» предпринимателей-старообрядцев, в связи с чем в его среде происходили различные трансформации. В дуалистической схеме «семья-община», несмотря на постепенное усиление асимметрии в пользу семьи, община

¹⁸⁰ Виртшафтер Эллис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской Империи. М., 2002. С. 197

¹⁸¹ Там же

¹⁸² Там же, с. 202

¹⁸³ Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). М., 2000. С. 85

не была вытеснена во II половине XIX века из религиозно-этической системы¹⁸⁴. Высокая степень корпоративной сплоченности позволяла формировать максимально выгодные социально-экономические практики. Общинные ссуды помогли подняться многим мелким предпринимателям, а также известным купеческим домам Зенкова, Шелапутиных, Грачева в Москве, Моховых и тысячам других предпринимателей в других городах России¹⁸⁵.

Таким образом, рассматривая реформы Александра II как попытку модернизации страны, нужно отметить высокую концентрацию и многообразие субъектов происходящих трансформаций, которые выстраивали собственные стратегии поведения в условиях сословных ограничений. Активизация предпринимательского и идейного потенциала общества говорит об эволюционном органичном способе изменения сложившейся социально-экономической системы в результате проводимой модернизации сверху.

Реформы П. А. Столыпина представляли собой попытку активизировать предпринимательский элемент в крестьянской среде, не прибегая к разрешению основного противоречия между помещиками и крестьянами, т.е. сосредоточением основной массы земель в руках помещиков. К тому же большая часть этих земель сдавалась в аренду крестьянам. Так, крупнейшие земельные собственники России числом около 100 (исключая лесовладельцев) занимали в стране первое место как по относительным размерам сдачи земли в аренду (62%), так и по абсолютным размерам сдаваемой в аренду площади – 1/6 всего арендного фонда Европейской России¹⁸⁶. Для понимания потенциала крестьянской среды в отношении наличия субъектов модернизации необходимо обратиться к статистическим данным отражающим степень владения землей крестьянами на правах собственности, рассмотреть общинное и подворное землевладение. Из 138, 8 млн. дес. крестьянской земли в Европейской России 115,4 млн. дес., или 83, 2%, было в

¹⁸⁴ Керов В.В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в конце XVIII – XIX вв. М., 2004. С. 516

¹⁸⁵ Там же, с. 506

¹⁸⁶ Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупных земельных собственников конца XIX века – начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 86

общинном пользовании и 22,4 млн., или 16%, – в подворном¹⁸⁷. Таким образом, реформа была рассчитана на небольшой предпринимательский элемент. Однако она способствовала активизации достаточно большого числа потенциальных субъектов. На основе указа 9 ноября из общины вышло всего 21,8 % общинников, укрепивших в собственность 13,9 млн. дес. (14% всей наделной земли)¹⁸⁸. При этом итоговая цифра заявлений о землеустройстве в 2,5 раза превышала общее число завершенных землеустроительных операций¹⁸⁹. Для крестьян, желающих встать на фермерский путь хозяйствования, был создан определенный «коридор» возможностей, хотя реальное состояние сельского хозяйства требовало расширения действующих рамок для эффективной экономической деятельности. Необходимо отметить наличие новых экономических форм, которые привнесла реформа: деятельность КПБ (крестьянского поземельного банка), переселение на другие территории с раздачей земель, работы по землеустройству, повышение аграрной культуры населения.

По мнению Давида А. Дж. Мейси, одним из подходов к определению успешности проводимой реформы мог быть следующий: определение реакции крестьян на эти реформы, оценивание уровня доверия крестьян к реформам и, соответственно, также и к правительству¹⁹⁰. Д. Мейси выделяет такой индикатор, как количество просьб о правительственной помощи в течение всей программы землеустройства¹⁹¹. Здесь замечен устойчивый рост до начала войны. Второй индикатор, который предлагает Д. Мейси, – это рассмотрение тенденции изменения из года в год количества единоличных и групповых (то есть всех форм, которые не связаны с выходом к одному месту) проектов землеустройства, которые были действительно осуществлены¹⁹². Здесь тоже наблюдается значительный рост.

¹⁸⁷ Анфимов А.Н. Столыпин П.А. и российское крестьянство. М., 2002. С. 100

¹⁸⁸ Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 285

¹⁸⁹ Там же

¹⁹⁰ Мейси Давид А. Дж. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. XIX-начало XX века. М., 2004. С. 269

¹⁹¹ Цит. по Мейси Давид А. Дж. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. XIX-начало XX века. М., 2004. С. 269

¹⁹² Там же, с. 270

Программа реформ была рассчитана на постепенное, эволюционное развитие социально-экономических отношений, не прибегая к резкому скачкообразному переходу. Заявленный масштаб столыпинской программы существенно превышал задачи постреволюционной стабилизации, охватывая не только земельное право, но и все сферы общественных отношений – от обеспечения юридического равенства независимо от сословной принадлежности до противодействия экстремизму, а ее главной политической целью становилось поддержание социальной стабильности¹⁹³. В результате проведенной реформы возникли точечные элементы зажиточного крестьянства, рассредоточенные в пределах общества.

Прежде чем говорить о наличии субъектов модернизации в период 1930-1940-х гг., необходимо упомянуть о дискуссии по поводу вариантов экономического развития страны в высшем руководстве в конце 20-х гг. XX века. В ходе этой дискуссии были выдвинуты следующие точки зрения: стратегическая линия, которая возобладала в начале 20-х годов и была реализована в 30-40-е гг. под руководством Сталина и альтернативная стратегия, обычно отождествляемая с именами Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и других¹⁹⁴.

Сталинская стратегия экономического развития предполагала ускорение трансформации социальных и экономических форм деятельности с доминированием механизма принуждения и сокращение свободного создания и развития различных форм деятельности. Также предполагалось намеренное «создание дисбаланса» в результате увеличения производства средств производства в ущерб производству средств потребления¹⁹⁵. Радикальная смена форм была ограничена и временными рамками, направлена на «повышение темпов индустриального развития»¹⁹⁶, что, как мы увидим дальше, будет выражаться в так называемых «пятилетках», попытках перевыполнения планов

¹⁹³ Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. №2. С. 5

¹⁹⁴ Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. М., 1989. С. 22

¹⁹⁵ Там же, с. 31

¹⁹⁶ Там же, с. 30

(«пятилетка» за три года). Упрощение, насаждение единообразия экономических и социальных форм активности, выражающееся, например, в стремлении сделать основной и в ближайшем будущем единственной формой организации сельского хозяйства колхозы и совхозы, в дальнейшем привело к значительным изменениям в социальной структуре советского общества. Сталинская программа предполагала усиление роли одних социально-экономических элементов за счет ослабления или уничтожения других (например, свертывание деятельности кулачества) не в результате конкурирования и достижения преобладания наиболее прогрессивной формы, а на основании диктата единообразия. Стремление к тотальной мобилизации как человеческих, так и материальных ресурсов было вызвано, прежде всего, внешним фактором и стремлением сохранить власть новой бюрократии, а не внутренними потребностями общества.

Стратегия экономического развития страны, предложенная «правой оппозицией» в лице Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и др., подразумевала эволюционное, органичное развитие естественно возникающих и существующих форм социального организма. По отношению к крестьянству намечалось продолжение линии на охват всех бедняцких и середняцких групп деревни многообразными формами кооперации¹⁹⁷. На всех этапах преобразования должны были исполняться, развиваться и взаимодействовать самые разные формы кооперации – и производственные, и торговые, и кредитные¹⁹⁸.

Точку зрения «правой оппозиции» поддерживал также известный советский экономист А. В. Чаянов. Он был сторонником «вертикальной» концентрации, т.е. многообразия и взаимодействия форм и размеров организации производственных процессов и экономических связей как в кооперативных, так и в некооперативных вариантах, хотя «горизонтальная» концентрация в формах и коллективных хозяйств отнюдь не отбрасывалась с порога¹⁹⁹.

В рассматриваемый период к субъектам модернизации можно отнести только представителей технической интеллигенции. Инженерно-технический

¹⁹⁷ Там же, с. 25

¹⁹⁸ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке : избранные труды: в 2-х частях. Ч 1. М., 2011. С. 820

¹⁹⁹ Там же, с. 819

корпус представлял собой специально созданную социальную структуру. Процесс социальной идентификации инженерно-технической группы в 1930-е гг. в схематичном виде представлял собой циклическое воспроизведение бинарных моделей элитарности и маргинальности по нисходящей спирали: «первичная элита» («буржуазные» инженеры дореволюционной школы), «маргиналы форсированной индустриализации» (выдвиженцы, практики), «вторичная» элита (инженеры и техники советской технической школы)²⁰⁰. Однако даже в этой среде происходил процесс «создания» субъектов модернизации. Различные компоненты социальной структуры модифицировались неодинаково, но общим качеством этой динамики было стремление власти избавиться от традиционных социальных групп и в кратчайшее время с помощью методов социоинженерии сконструировать совершенно новые группы людей, которые обладали бы абсолютной управляемостью²⁰¹.

Но, несмотря на жесткое управление данной социальной группой, в результате большого количества брака, пренебрежения стандартами производства и опытом передовых стран перед инженерами встали иные задачи. Два поколения инженеров смогли на время реформ составить некую социальную общность, которая в условиях сталинизма, с одной стороны, осуществляла деятельность под жестким контролем со стороны административного аппарата, с другой, находила свои собственные формы самоорганизации, став «мастерами импровизации, «ликвидации» последствий аварий и кризисного менеджмента»²⁰². Особая роль в достижениях советской индустриализации принадлежала приглашенным иностранным специалистам. Все крупнейшие стройки в СССР периода индустриализации были международными проектами²⁰³. Однако столь масштабная мобилизация человеческих, материальных и интеллектуальных ресурсов представляла собой не что иное, как перенос уже действующих,

²⁰⁰ Терехов В.С. Рекруты великой идеи : техн. специалисты в период сталин. Модернизации. Екатеринбург, 2003. С. 64

²⁰¹ Там же, с. 63

²⁰² Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011. С. 431

²⁰³ Рубченко М. Ура, у них депрессия! // Эксперт. Специальный выпуск. Всемирная история модернизаций. 28 декабря-10 января 2010. №1 (687). С.36

апробированных в других социальных системах моделей организации производства на почву советской действительности. Ни о каком внутреннем органичном вызревании потенциала модернизации говорить в данном случае не приходится. В отличие от иностранных специалистов, приглашенных Петром I, иностранные специалисты, приглашенные в период индустриализации 30-х гг., не могли успешно интегрироваться в советскую действительность, поскольку их привлечение носило механистический характер, никто из них не закреплялся в советском обществе, транслировал свою субкультуру в заранее «очерченном» спектре.

В ходе коллективизации сельского хозяйства происходило создание принудительных отношений в аграрном секторе, дающее краткосрочный эффект. С точки зрения естественноисторического процесса происходило не естественное развитие, а «квазимодернизация». Обновление всегда измеряется возрастанием эффективности экономики государства, которое дает социальный эффект, естественный рост специализации, реализацию принципа интегрирования социальных субъектов. Если же речь идет о принудительном запуске механизмов социального действия и взаимодействия, то происходит разрушение условий развития и роста. То есть обновление происходит не в результате появления многообразия социальных форм, степени их кооперирования и интегрирования, а через навязывание обществу интересов люмпенов и маргиналов.

Крестьянин из мелкого или среднего собственника-производителя фактически превратился в крепостного работника советского государства; он был отчужден от орудий и средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда²⁰⁴. Модернизация общества периода 1930-1940-х гг. носила мобилизационный характер. В результате проведенных преобразований возникла государственная эксплуатация наемного труда. Процессы индустриализации и коллективизации привнесли в экономическое и социальное развитие страны больше примитивизации, архаизации во взаимодействия субъектов. Сталинская индустриализация не только не означала создания

²⁰⁴ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: (начало 30-х гг.). М., 1994. С. 258

социально-психологических, политических, инфраструктурных и, наконец, утонченно-культурных заделов для перманентной модернизации в будущем – напротив, сталинизм словно бы выкорчевывал саму возможность таких заделов²⁰⁵.

Значительные изменения в рассматриваемый период претерпела социальная структура советского общества. Происходило искусственное насаждение и «отсечение» ненужных социальных групп, к примеру, к таким группам можно отнести так называемых лишенцев. Утрачивали многообразие и экономические формы. К концу коллективизации «крупное обобщественное производство стало практически единственной формой организации сельского хозяйства в СССР»²⁰⁶. В результате возникшего дисбаланса в экономическом развитии, когда одни отрасли развивались быстрыми темпами в ущерб всем остальным, происходило создание социальной структуры общества под возникающую экономическую модель.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при смене социальной формы не произошло изменения социального содержания; приняв оболочку модерна, социальный организм не модернизировался, а архаизировался.

Оценивая состояние социально-экономического развития страны накануне реформ 1986-1991 гг., необходимо сказать о нарастании противоречий в различных сферах общества, что выразилось в следующем:

1) диспропорции в развитии отраслей промышленности, нерациональность использования ресурсов для обновления, недостаток инвестирования в различные отрасли промышленности, сокращение реально вводимых мощностей²⁰⁷,

2) усложнение социальной структуры советского общества, что выразилось в появлении множества социальных групп и общностей, которым были необходимы новые сферы для действий по созданию новых социально-экономических форм, большой уровень гласности, свободы действий, изменения действующего законодательства. Советское общество на деле состояло из

²⁰⁵ Баткин Л.М. Статья Европой // Век XX и мир. 1988. №8. С. 32–33.

²⁰⁶ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке : избранные труды: в 2-х частях. Ч 1. М., 2011. С. 855

²⁰⁷ Селюнин В. Лукавая цифра / В. Селюнин, Г. Ханин // Новый мир. 1987. №2. С. 196

множества субобществ, пребывавших как бы в разных временных пространствах, в разных исторических эпохах и к тому же территориально локализованных²⁰⁸.

Обратимся к классификации социальной структуры советского общества, которую дает Т. И. Заславская. По мнению Т. И. Заславской, подлинная разграничительная линия проходит не столько между «строками», сколько между «столбцами» матрицы²⁰⁹, т.е. между группами, обозначающими позицию по отношению к перестройке (инициаторы, сторонники, союзники, квазисторонники, наблюдатели, нейтралы, консерваторы, реакционеры)²¹⁰.

Стали накапливаться если не элементы, то определенные предпосылки образования гражданского общества – появление большого слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры²¹¹. Таким образом, на момент реформ в советском обществе существовали социальные группы, слои, которые могли стать субъектами органичной модернизации. Носителями реформаторского потенциала были, прежде всего, образованные слои советского общества – ученые и преподаватели вузов, инженеры, учителя, врачи, квалифицированные рабочие и т. д.²¹².

С начала перестройки развитие реформы определялось двумя основными тенденциями: расширением самостоятельности государственных предприятий и расширением сферы деятельности частного сектора²¹³. Однако проводимые преобразования не привели к ожидаемо высокой активности потенциальных субъектов органичной модернизации. Это было связано, прежде всего, с активизацией новых предпринимателей-спекулянтов и усилением контроля деятельности предприятий со стороны бюрократических структур²¹⁴.

²⁰⁸ Цит. по Плискевич М. «Третий» путь, которым мы уже прошли // *Общественные науки и современность*. 1999. №6. С. 113

²⁰⁹ Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // *Иного не дано: I Сб. ст.* под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1988. С. 40

²¹⁰ Там же, с. 39

²¹¹ Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // *Социологические исследования*. 2012. №1. С. 40

²¹² Явлинский Г.А. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) / Г.А. Явлинский, А.В. Космынин // *Мир России*. 2011. №2. С. 25

²¹³ Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 451

²¹⁴ См. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 452–453

В конце 80-х годов начинают появляться проекты, предлагающие дальнейшие пути развития СССР. Например, А. И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения» предлагал отделить 12 республик (прибалтийские, закавказские, среднеазиатские) и сохранить в составе СССР Белоруссию и Украину²¹⁵. В основе Программы «500 дней» (авторами которой были С. С. Шаталин, Г. А. Явлинский, Н. Я. Петраков, А. П. Вавилов, Е. Г. Ясин, В. А. Мартынов и др.) лежала идея проведения радикальных рыночных реформ в два этапа²¹⁶. На первом этапе, который должен был начаться 1 октября 1990 г., предполагалось провести комплекс мер по макроэкономической стабилизации, для того чтобы облегчить последствия либерализации цен на втором этапе, который должен был начаться в июле 1991 года²¹⁷. Еще одной программой была разработана Л. И. Абалкиным и Н. И. Рыжковым. Предлагалось резко интенсифицировать экономические реформы, вернуться к идеям *радикального* варианта реформ, но начать их осуществление на два года раньше, лучше всего в конце 1990 или начале 1991 года²¹⁸. Вместо программы *либерализации цен* предлагается компромиссный вариант *реформы оптовых цен*, связанный с предложением Министра финансов СССР В. С. Павлова об административном пересмотре *прейскурантных (оптовых) цен*²¹⁹.

В результате выбранной программы преобразований произошла активизация различных субъектов модернизации. Вместо активизации предполагаемых субъектов модернизации произошло доминирование особых социальных групп олигархического типа, которые представляли собой вчерашних агентов теневой экономики и выходцев из номенклатурных работников²²⁰.

²¹⁵ URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt

²¹⁶ Яник А.А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985-1999). М., 2012. С. 248

²¹⁷ Там же

²¹⁸ Там же, с. 236

²¹⁹ Там же

²²⁰ См. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. №1. С.66–82; Явлинский Г.А. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) / Г.А Явлинский, А.В. Космынин // Мир России. 2011. №2. С. 15

Результатом проведенного анализа модернизаций российского общества, осуществлявшихся на протяжении трех веков, является то, что в них было как общее, так и особенное, а, главное, было определено, в какой мере проводимые изменения соответствовали внутреннему потенциалу социума, способствовали активизации актуальных и потенциальных субъектов модернизации.

Все проводимые модернизации были реформами «сверху». Реформы Екатерины II, индустриализация 30-40-х гг. были рассчитаны на *адаптационных* субъектов модернизации: в случае индустриализации – на принудительно созданные социальные группы технической интеллигенции, крестьянства колхозов и совхозов, в случае реформ Екатерины II – на инертный консервативный класс земельных собственников в лице дворянства. Однако реформы Петра I, реформы П. А. Столыпина, Александра II были рассчитаны не только на *адаптационных* субъектов модернизации, но и на *модернизационных*: реформы Столыпина на предпринимательский элемент в деревне, реформы Александра II на органичное взаимодействие помещика и крестьянина.

В дальнейшем проводимые с целью поддержки *адаптационных* субъектов реформы не приводили к появлению желаемой модели поведения со стороны этих субъектов, скорее напротив, предполагаемые силы модернизации в большинстве консервировали собственные социально-экономические практики для сохранения или усиления (не в результате обновления!) своих позиций в социальной структуре российского общества. Тем более что этому постоянно способствовал политический класс, выстраивая наиболее удобные и устойчивые схемы для их закрепления. Тем не менее, даже несмотря на многочисленные барьеры и препятствия, субъекты модернизации, не являющиеся приоритетными, усиленно использовали собственные ресурсы для реализации своих социокультурных практик.

Впрочем, в результате реформ не только те, на кого делали ставку, смогли активизировать внутренние резервы. В этом смысле самым успешным явился период реформ Александра II, который в большей степени соответствовал органичной модернизации. Появление огромного числа субъектов-носителей

новых образцов поведения позволило начать формирование особой органичной среды, в которой выкристаллизовывалась некая общая идея обновления общества на основе многообразия и прогресса, конкуренции и кооперации социально-экономических форм и их носителей. Немаловажную роль при этом сыграла постоянная обратная связь между политическим классом и обществом, выражавшаяся в корректировке реформ, попытках дискуссий. Образовав устойчивый тренд на поиск самодостаточного развития, органичная модернизация Александра II способствовала активизации и усилению позиций модернизационных групп, солидаризации корпоративных интересов в дальнейшем историческом периоде.

Однако необходимо отметить и такой важный момент, как адекватная интерпретация деятельности тех субъектов, которых можно отнести к субъектам модернизации. В отношении некоторых субъектов необходимо отходить от западноевропейского взгляда на отнесение того или иного субъекта к возможным субъектам модернизации. Яркий пример – разночинцы. Не обладая необходимыми характеристиками среднего класса в западноевропейском понимании, они были потенциальной средой для появления в дальнейшем представителей профессиональных групп и сообществ как активных субъектов модернизации.

Помимо субъектов модернизации появлялись и закреплялись субкультуры модернизации. К примеру, старообрядчество представляло собой устойчивую субкультуру, которая достаточно долго транслировала свои ценности последующим поколениям и приобретала корпоративные черты. Многие фавориты Петра I успешно встраивались в существующий социально-экономический порядок.

Таким образом, на основании проведенного анализа модернизаций можно сделать следующие выводы:

1. Все проводимые модернизации в России были инициированы политическим классом, который в своих программах опирался либо на

адаптационных, либо на модернизационных субъектов модернизации, либо одновременно на тех и других.

2. Все модернизации носили стихийный хаотичный характер, корректировались ситуативно, кроме реформ Александра II, которые имели достаточно проработанный план комплексных изменений.

3. Все проводимые модернизации обладали асинхронностью, которая выражалась в несовпадении ресурсов, предоставляемых или доступных для тех или иных субъектов модернизации. Результатом являлось несовпадение ритмов в развитии самого субъекта модернизации, что затрудняло поиск и формирование постоянных социально-экономических практик и закрепления их как трендов в ходе трансформаций, что могло бы содействовать оформлению устойчивых социальных групп субъектов модернизации.

4. Неравномерность и локальный характер появления субъектов модернизации. Это обстоятельство затрудняло формирование социальной базы преобразований.

В результате модернизационные изменения российского общества происходили в большинстве случаев мобилизационным способом и лишь однажды преимущественно органичным. Это оказало влияние на дальнейший характер инноваций, задаваемый сверху, то есть на такой, который не способствовал преемственности в транслировании органичности преобразований. Таким образом, проведенный анализ процессов модернизации, происходивших в период XVII-XX вв. в России, служит основанием для лучшего понимания современного этапа модернизации и попытке переосмысления барьеров прошлого для раскрытия потенциала общества на сегодняшний день.

2.2. Самоорганизация как нераскрытый потенциал органичной модернизации современного российского социума

Анализ исторического развития России и происходивших модернизаций свидетельствует о наличии большого количества факторов, сдерживающих и даже явно препятствующих модернизации, а также о наличии часто не востребуемых и не признанных «легитимными» в глазах политического класса и общества субъектов, постоянно рождающих новые формы поведения в трансформирующейся среде. Прежде чем говорить о наличии нераскрытого потенциала самоорганизации в современной России, обратимся к тем барьерам, которые традиционно препятствовали и продолжают затруднять процесс реализации внутренних общественных резервов. Препятствующими факторами являются следующие:

1. Специфический характер отношений «власть-общество», обусловленный сохраняющимися патерналистскими ожиданиями населения. Подобные отношения закрепляют модели поведения, сохраняющие и усиливающие пассивность широких социальных слоев. К примеру, это проявляется в отношении к собственности. Растущий прагматизм, утилитаризм, приводит к замене ценностей модерна прагматизмом и утилитаризмом²²¹.

2. Отсутствие преемственности во всех сферах общественной жизнедеятельности, что приводит к отрицанию, вытеснению предшествующих социокультурных, экономических норм. Разрушение до основания базовых элементов устройства общества и их строительство заново на искусственно

²²¹ См. Готово ли российское общество к модернизации? / Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Эберга в Российской Федерации. М., 2010.; Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России. (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. Статья 1. 2008. № 3. С. 5–23.; Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. №1. С. 33–45.

привнесенных началах, либо началах отражающих интересы социальной группы, игнорирующей внутренние общественные интересы и потребности²²².

3. Отсутствие конкуренции как в экономическом, так и социокультурном пространстве. Данное явление на протяжении столетий прочно закреплялось в различных нормах (законодательных, социальных, политических), а проявление инициативы или жестко отвергалось или незамедлительно подавлялось, либо же создавалась ситуация, при которой она подвергалась излишнему скептицизму, в итоге приводившему к подмене их сути²²³.

4. Стабильно ускоряющееся отставание России на мировом экономическом пространстве. Анализ потенциала экономики России позволяет сделать вывод о неспособности дальнейшего ее развития без заимствования технологий по многим отраслям, что ставит ее в зависимое положение от развитых стран мира²²⁴.

5. Специфический характер поведения политического класса, прежде всего, его деградация. Увеличение количества государственных служащих при одновременном снижении качества их работы, ухудшение качественного состава государственных служащих, формирование закрытой, наподобие касты, социальной группы, целью которой является сохранение и преемственность отживших форм и моделей взаимодействий, направленных на расширение и удержания контроля над различными ресурсами, нарастание «пропасти», отчужденности между гражданином и чиновником²²⁵.

Различными авторами (О. Н. Яницкий, Н. С. Розов, В. Г. Федотова, Н. И. Лапин, Д. В. Трубицын, В. Л. Иноземцев, А. А. Аузан, Н. Е. Тихонова, К. А.

²²² Данный вывод сделан в результате проведенного автором сравнительного исторического анализа следующих модернизаций: индустриализации 30-40-х гг. в СССР, экономических реформ в 1985-1993 гг. (См. Глава 2, параграф 1)

²²³ Данный вывод сделан в результате проведенного автором сравнительного исторического анализа следующих модернизаций: индустриализации 30-40-х гг. в СССР, экономических реформ в 1985-1993 гг. (См. Глава 2, параграф 1)

²²⁴ См. Белякова Г.Я. К устранению разночтений ...формирование методологической платформы модернизации: проблема подмены понятий «модернизация» и «инновационное развитие» / Г.Я. Белякова, Л.Р. Батукова // Креативная экономика. 2011. №1. С. 10-16.; Кузык Б.Н. Как успешно реализовать стратегию инновационного развития России // Мир России. 2009. №4. С. 3–18.

²²⁵ См. Смирнов С. Н. Российская бюрократия и ее роль в процессах модернизации // Мир России. 2009. №4. С. 115–139.

Феофанов, С. А. Кравченко) предлагаются возможные модели модернизации России, среди них – национальная модернизация, при которой каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается²²⁶; модернизация, реализуемая через построение общества знаний, экономики знаний; социокультурная модернизация, «островная» по масштабу и технократическая по вектору ценностей²²⁷; двойная модернизация: ре-индустриальная и информационная²²⁸; социокультурная логика интегрированной модернизации современной России. Предлагается переход 1) от взаимного недоверия потенциально активных субъектов гражданского общества и государственных властей к их взаимному пониманию и доверию; 2) от доверия – к свободной активности субъектов при поддержке государства; 3) воплощение активности субъектов в инновациях: институциональных, технологических и продуктивных, совершенствующих и радикальных²²⁹; модернизация как культурная политика: при ней необходимо запустить и разработать концепцию культурной политики модернизации «От архаики через авангард к модерну: основы культурной политики Российской Федерации»²³⁰; завершение социокультурной модернизации²³¹. С. А. Кравченко акцентирует внимание на необходимости осуществления гуманистически ориентированной модернизации²³². К. А. Феофанов считает возможными два направления модернизационного развития: 1) модернизация традиционных и ремодернизация демодернизированных элементов прежних модернизационных волн до современного уровня; необходима комплексная модернизация по различным субнаправлениям (политическая, технологическая, культурная, экологическая, социальная и т.д.); 2) активизация

²²⁶ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. №10. С. 12

²²⁷ Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. №5. С. 142

²²⁸ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. №4. С. 14

²²⁹ Лапин Н.И. Человеческое лицо модернизации // Человек. 2011. №6. С. 14

²³⁰ Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации // Мир России. 2012. №3. С.52

²³¹ Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 20

²³² Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности : монография. М., 2012. С. 206

потенциала «особого пути», поиск и усиление цивилизационных оснований российского развития в результате работы над цивилизационными изъянами²³³. Характерно, что каждая из предложенных моделей подразумевает опору на самоорганизацию общества, поиск новых форм и социально-экономических практик во взаимодействии субъектов модернизации, формирование и увеличение устойчивой социальной базы модернизации.

На сегодняшний день в российском социуме наблюдается некоторый подъем гражданской активности, инновационных предпринимательских проектов, новых идей, носящий специфический характер распространенности и реализации. По мнению В. А. Красильщикова, «положительные изменения носят, во-первых, очаговый, анклавный и, во-вторых, стихийный характер²³⁴». Автор фиксирует то обстоятельство, что «процессы деградации старых структур, как и воспроизводство этих структур, причем на стадии разложения, идут быстрее, чем процессы созидания нового». Следовательно, в обществе возникает запрос на новые тренды, новые образцы, модели поведения, формы организованности. О. Н. Яницкий также отмечает «островной» характер возможной модернизации²³⁵. Неоформленность в некие устойчивые социальные группы отмечается М. К. Горшковым. Он пишет о том, что субъекты модернизации «распылены» по разным социальным группам²³⁶. Средний класс как субъект модернизации, в свою очередь, обладает потенциалом к консолидации. Это связано с развитостью «горизонтальных» коммуникативных связей внутри среднего класса (или классов) как условие его превращения из конгломерата атомизированных индивидов в социального субъекта²³⁷. Однако средний класс как потенциальный и актуальный субъект модернизации демонстрирует довольно специфическую форму самоорганизации и модель поведения в социуме. В основном люди российского среднего класса живут внутри своих микроскопических социальных ячеек –

²³³ Феофанов К.А. Цивилизационные основы российской модернизации. М., 2012. С. 108

²³⁴ Возможна ли модернизация в России? (Материалы круглого стола) // Мир России. 2008. №2. С. 70

²³⁵ Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. №5. С. 142

²³⁶ Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. №12. С. 39

²³⁷ Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002. С. 231

своего рода коконов, или «оазисов», в лучшем случае, профессиональных сообществ – и не обнаруживают желания выйти за их пределы²³⁸.

Источник самоорганизации существует как «разброс» субъектов модернизации в пространстве российского социума и представлен двумя видами социальных субъектов. На наш взгляд, к таким субъектам - исполнителям и созидателям, «переносчикам» образца могут быть отнесены следующие:

1. «Локусы» (локальные и достаточно изолированные социальные образования). Они неравномерно распределены по российскому социуму. Это территориальные общности, представляющие собой особую форму самоорганизации. Это общности, в которых явно выражена тенденция к самоорганизации и опора на человеческие и природные ресурсы. В этой связи Н. И. Лапин подчеркивает важность «учета фактора обширности и многообразия социокультурного пространства России как поля институциональных и иных изменений²³⁹».

2. Отдельные субъекты. Это особый тип социального поведения, носителем которого являются отдельные индивиды, создающие альтернативные, инновационные образцы самоорганизации, конструирования социальной реальности и реализующие их в конкретных точках социального пространства. Это субъекты, от действий которых зависит обеспечение существования формы самоорганизации. Эти субъекты являются как актуальными, так и потенциальными субъектам модернизации.

Согласно точке зрения К. А. Феофанова, российское общество представляет собой сложное сочетание и сосуществование двух реальностей. Поэтому возникают определенные трудности, связанные с активизацией потенциала модернизации в лице различных субъектов. Он отмечает, что комплексные реально-нереальные состояния включают многочисленные прямые и обратные влияния, фрагменты различных реальностей, элементы нескольких цивилизационных кодов, симулякров различных порядков и в целом предстают

²³⁸ Там же, с. 234

²³⁹ Лапин Н.И. Человеческое лицо модернизации // Человек. 2011. №6. С. 17

как смешанная многослойная синтетическая реальность (постгиперреальность)²⁴⁰. Важность учета уровня эмпатии и социальной комплиментарности подчеркивает О.А. Кармадонов: «Без должного уровня эмпатии и социальной комплиментарности не может сформироваться необходимое социальное самочувствие, которое призвано обеспечить успех социально-экономического развития и собственно проекта модернизации нашей страны²⁴¹».

Потенциал самоорганизации, не получающий «обратной связи» от государства, стимулирует следующая специфическая модель поведения. Субъекты самоорганизации уходят в пространство самодостаточности, саморегулирования, свободного функционирования и развития на собственной основе. Таким образом, возрастает дистанция между обществом и государством, когда большие сообщества приходят к рациональному выбору. По мнению В. В. Петухова, «...в России началось структурирование гражданского общества как совокупности независимых от государства акторов и каналов коммуникаций, его постепенное дистанцирование от общества «политического», являющегося сферой жизни партий, политических организаций и других субъектов публичной политики»²⁴². Отчетливо проявляется ряд задач, которые государство не в состоянии решить. Хотя роль гражданского общества в проекте вообще никак не определена и перед ним не поставлено никакой креативной задачи²⁴³, у представителей общественности, пусть пока и не столь сплоченных, есть свое мнение на этот счет. Эту позицию можно выразить следующим образом: заявлять о себе и действовать в защиту своих прав и интересов, перевести эти действия в разряд пространственно-временной устойчивой практики. На фоне этого процесса, как «ухода» значительно и весьма разнородной массы людей, высвечивается и другой аспект – атомизация общества. Исходя из приоритетной

²⁴⁰ Феофанов К.А. «Двойная реальность» как российский цивилизационный синдром // Социально-гуманитарные знания. 2012. №3. С. 121

²⁴¹ Кармадонов О.А. Очередная управляемая модернизация России: проблема субъекта и адресата / О.А. Кармадонов // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск. 2014. С. 52

²⁴² Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. №1. С. 60

²⁴³ Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. №5. С. 143

цели модернизации, т.е. перевода общества в качественно новое состояние, можно сказать, что на первый план сегодня выдвигаются индивиды с проективным мышлением и независимыми экспертными позициями²⁴⁴. Отсюда возрастание роли отдельно взятой личности, раскрытие ее потенциала. Между тем, опыт НПО, НКО и других коллективных форм организации гражданского общества незаменим: они созданы и функционируют по современному – сетевому принципу²⁴⁵. В результате чего формируется новый субъект социальных отношений. О. Н. Яницкий говорит о том, что «рождается феномен «гражданского эксперта»²⁴⁶. Таким образом, сегодняшняя гражданская активность воплощается в определенном наборе форм самоорганизации, которые условно можно разделить на следующие группы:

1. общественные движения, создаваемые для решения конкретной проблемы (например, обманутые дольщики²⁴⁷, общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года²⁴⁸, федерация автовладельцев в России²⁴⁹ и т.д.);
2. профессиональные ассоциации (инженерные сообщества, научные сообщества и т.п.);
3. территориальные организации;
4. общественные движения, создаваемые под конкретный проект;
5. товарищества собственников жилья;
6. предприниматели.

Все эти формы самоорганизации можно отнести к субъектам модернизации.

Однако практика «гражданского эксперта» наталкивается на поиск экспертов, являющихся таковыми согласно их профессиональному статусу, т.е. на поиск профессионалов, являющихся носителями экспертного мнения. И здесь

²⁴⁴ Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся : ежегодник; редкол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др. М., 2010. С. 54

²⁴⁵ Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. №5. С. 143

²⁴⁶ Яницкий О.Н. Модернизация, концепции реформ и социальные реалии // Россия реформирующаяся : ежегодник; редкол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др. М., 2010. С. 135

²⁴⁷ URL: <http://www.odnodolshiki.ru/>

²⁴⁸ URL: <http://www.pgpalata.ru/actual/0023>

²⁴⁹ URL: <http://www.autofed.ru/>

нужно рассмотреть те научные или профессиональные организации, которые на сегодняшний момент действуют в России. Существует достаточно разбросанная в пространственном отношении группа различных сообществ и ассоциаций. К ним относятся следующие: ассоциация ЕВРОДОК была создана в 2001 году с целью расширения информационного пространства и создания возможностей для поиска научных и деловых контактов между молодыми учёными различных европейских стран; ассоциация "Женщины в науке и образовании"; Ассоциация молодых ученых (АМУ) Московской государственной академии тонкой химической академии им. М. В. Ломоносова (МИТХТ) является общественным коллегиальным органом, формируемым из активно участвующих в научно-исследовательской и предпринимательской деятельности научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов МИТХТ; Ассоциация студентов физиков и молодых ученых России; Ассоциация ученых и специалистов в области строительного материаловедения; Ассоциация учёных наукограда Королёва; Ассоциация ученых-аграрников; Российская ассоциация искусственного интеллекта – ассоциация является научным сообществом специалистов в области теории и методологии искусственного интеллекта, создания и применения программного и аппаратного обеспечения компьютерных систем, моделирующих интеллектуальные процесс; Российская социологическая ассоциация; Российский союз молодых ученых – общероссийская общественная организация, созданная для представительства интересов молодых ученых и специалистов, консолидирующая их усилия, направленные на совершенствование социально-общественного устройства России; РосСНИО - Российский Союз научных и инженерных общественных организаций; Союз ученых и педагогов России, союз ученых и педагогов России стал формироваться в 1990 году из преподавателей-интенсивщиков системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства; Совет молодых ученых Химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и многие другие²⁵⁰.

²⁵⁰ URL: <http://org.nauki-online.ru/associacii-uchenykh#ego1>

Для того чтобы охарактеризовать потенциал субъектов органичной модернизации, необходимо провести типологию их действия по определенному критерию. Таким критерием является их поведение в социуме как участников процесса модернизации. Их поведение представлено двумя выделенными нами в данной работе типами: *реформистское и модернизационное поведение*. *Реформистское* представляет собой как улучшение существующих форм взаимодействия, так и возникновение дополнительных форм, позволяющих лучше, эффективнее использовать новые социально-экономические практики. *Модернизационное поведение* связано с поддержкой альтернативных форм, новых вариантов действия, новых практик.

Реформистским поведением отличается организация кредитных союзов России. Кредитные союзы – организации, целью которых является мобилизация финансовых ресурсов и их последующее распределение²⁵¹. Также к реформистскому поведению можно отнести предпринимателей «стартапов»²⁵². К типичным относятся: «Избенка», компания сделавшая ставку на свободную рыночную нишу – продажу молочных продуктов в день их изготовления, компания TravelRent – первый в России онлайн-сервис бронирования жилья, а также компания «Мастерфайбр» – производитель резиновых безопасных покрытий для детских и спортивных площадок, стадионов, кортов и бассейнов (основой для их производства служит резиновая крошка из отработанных покрышек)²⁵³.

Невостребованный в полной мере и не до конца проявившийся потенциал самоорганизации общества возникает в предлагаемых модернизационных проектах, при реализации которых смогло бы сформироваться модернизационное поведение. Например, модернизационное поведение может быть реализовано через осуществление целого ряда проектов, предлагаемых участниками движения «Народный собор». Это и коллективы, разрабатывающие концепции

²⁵¹ Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007. С. 277

²⁵² Шохина Е. Рожденные кризисом // Эксперт. 16 января 2012- 22 января 2012. №2 (785). С. 54–59

²⁵³ Там же, с. 55

футурополисов, лидерами этих коллективов являются Р. Васильев, В. Гребнев. Их проект «Биоэкополис» направлен на создание сети биоэкополисов, использующих для обеспечения своей жизнедеятельности самые современные достижения. Это и специалисты «Союза технологий» и их программа «Зеленый мир», предполагающая создание зон опережающего развития. Следующий пример – руководитель успешного агрокооператива «Галкинское» (Свердловская область) Василий Мельниченко – аграрий, инноватор, поборник идеи местного самоуправления и автор проекта «Новое село – новая цивилизация», что предполагает комплексное развитие территории со строительством новых и расширением старых производств, возведением жилья, объектов социально-культурного назначения, увеличением населения сельской территории²⁵⁴. Предлагаются также региональные проекты, связанные, к примеру, с Сибирским регионом или уже реализуемый Инновационно-космический кластер вокруг нового космодрома «Свободный» («Восточный»).

Общественные инициативы, связанные с проблемами обманутых дольщиков, автовладельцев России, созданием поисковых отрядов типа «Лиза Алерт», также демонстрируют модернизационное поведение. Появляются и отдельные компании-модернизаторы, рассредоточенные по различным регионам. К трендовым проектам, по мнению авторов исследования, проведенного сотрудниками журнала «Эксперт», можно отнести логистический проект TopDelivery, профессиональную интернет-сеть для врачей «Доктор на работе» (площадку для общения врачей и фармацевтов по всей России)²⁵⁵. Интернет-магазин экопродуктов в Восточной Сибири тоже может быть отнесен к примеру модернизационного поведения²⁵⁶.

Среди отечественных исследователей ведется дискуссия по поводу того, какие социальные группы могли бы стать субъектами российской модернизации. О. И. Шкаратан подчеркивает, что ключевым актором формирующейся новой

²⁵⁴ URL: <http://www.narodsobor.ru/about/ns/news/5893-russkij-obraz-budushhego-krupnye-shtrixi#.VONuyS4tHLU>

²⁵⁵ Шохина Е. Рожденные кризисом // Эксперт. 16 января 2012- 22 января 2012. №2 (785). С. 55

²⁵⁶ Люстрицкий Д. Темная лошадка на пастбищах интернета // Эксперт-Сибирь. 2012. №10. С. 20

экономики в странах Запада явился информациональный производитель²⁵⁷. Далее на основании результатов проведенного зондажного опроса О. И. Шкаратан делает вывод, что в России подобными акторами являются представители новых средних слоев постиндустриального типа (информационные производители)²⁵⁸. В. Л. Иноземцев возможных «прорабов» модернизации характеризует следующим образом: во-первых, они должны принадлежать, к своего рода "поколению Медведева" – тому, которое хорошо помнит перестройку и сформировалось во второй половине 1980-х - начале 1990-х годов. Во-вторых, это должны быть люди, получившие гуманитарное или естественнонаучное, но советское образование, отличавшееся куда большей системностью, чем нынешнее. В-третьих, они непременно должны иметь опыт успешного независимого предпринимательства и работы в бизнес-структурах²⁵⁹. Т. И. Заславская на основании проведенного исследования среди слушателей и выпускников программы МВА, проходивших подготовку в Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, делает вывод о том, что изучаемая группа продвинутых бизнесменов при благоприятных институциональных условиях вполне могла бы стать одним из социальных акторов, способных действительно поддержать политику модернизации экономических, социальных и политических институтов России²⁶⁰. Однако не менее важной точкой зрения на процесс осуществления модернизации в современной России является отношение самого населения к модернизационным преобразованиям и к тому, кто должен стать «исполнителем» этого процесса. По мнению Н. Е. Тихоновой, роль движущих сил модернизации России принадлежит «модернистам», обладающих определенным набором социокультурных ценностей и норм, способствующим принятию и реализации инноваций, приверженностью к индивидуализму и опоре на собственный потенциал. Тем более что по данным 2010 года, доля модернистов по типу сознания составила

²⁵⁷ Возможна ли модернизация в России? (Материалы круглого стола) // Мир России. 2008. №2. С. 82

²⁵⁸ Там же, с. 83

²⁵⁹ URL: <http://www.izvestia.ru/news/367176>

²⁶⁰ Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // Общественные науки и современность. 2011. №3. С. 15

23%, доля традиционалистов – 15%. Среди экономически активного городского населения модернистский тип сознания оказался распространен шире – в нем оказалось 30% модернистов и 8% традиционалистов; по сравнению с 2006 годом произошел рост доли модернистов – тогда среди экономически активного городского населения их было 25% при 13% традиционалистов²⁶¹. Положительным фактором, влияющим на осуществление модернизации, является тот факт, что, если рассматривать картину представлений об акторах общественного развития не в статике, а в динамике, то можно зафиксировать достаточно быстрые изменения общественного сознания в сторону большей готовности страны к модернизационному рывку²⁶². Согласно проведенному исследованию динамика в отношении субъектов модернизации изменилась в положительную сторону. По сравнению с 1998 г. выросла доля оценивающих группы-лидеры - «предприниматели» и «молодежь» как способствующие модернизации. В 2010 г. доля поддерживающих эти группы увеличилась на 8% (молодежь), 12% (предприниматели)²⁶³. Что касается экономических групп населения, то здесь акцент делается, прежде всего, на специалистов. Лишь деятельность специалистов, видимо, открывает возможности для формирования личности, способной воспринять во всей полноте вызовы модернизации в сфере производственных отношений²⁶⁴.

Тщательного рассмотрения и анализа требует зимне-весенняя протестная активность 2011-2012 гг.: митинг на Болотной площади, митинг на проспекте Сахарова, Якиманка, «Марш миллионов» и т.д. Данная активность, безусловно, говорит о возросшем потенциале самоорганизации граждан. Основная дискуссия среди отечественных исследователей ведется о причинах, механизмах и субъектах общественной активности. В отношении субъектов протестного движения ведется полемика: имеет ли данная активность в качестве основания конкретные социальные силы, социальные группы или же это ситуативная, дискретная

²⁶¹ Готово ли российское общество к модернизации? / Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Эберта в Российской Федерации. М., 2010. С. 32

²⁶² Там же, с. 132

²⁶³ Там же

²⁶⁴ Там же, с. 75

активность? Согласно одной из точек зрения активное меньшинство представляет собой «креативный класс», рассерженных горожан, средний класс²⁶⁵. Для этого есть веские аргументы. Показательно, что главным коллективным актором серии митингов 2011 г. были не оппозиционные партии, движения или группы, но граждане достаточно молодые (25 - 45 лет), образованные, состоявшиеся люди, способные оценить, что произойдет в стране и за ее пределами в условиях грядущего нового экономического кризиса²⁶⁶. Другая точка зрения: участники протестов – это определенная субкультура, межпрофессиональная межклассовая мобилизация²⁶⁷.

По мнению В. Федорова, протест может в своем основании иметь эндогенные причины – «глубинные социальные трансформации в российском обществе, которые шли на протяжении последнего десятилетия нулевых»²⁶⁸. Происходит аккумуляция потенциала самоорганизации, наращивание «мощностей», масштабности, апробирование новых форм с включением виртуальной среды. В результате происходит наложение и борьба новых социальных практик. Однако интересна точка зрения, которая интерпретирует протест как негативную солидарность²⁶⁹, солидарность «против», что создает перспективу поворота этого протестного потенциала в сторону солидарности «за». «За» – новые смыслы, социально-экономические практики, образцы поведения. Ведь именно идеи и смыслы являются движущей силой как политики вообще, так и конкретных протестных движений в частности²⁷⁰.

Участники протестных акций транслируют некую ценностную систему, вероятно, созданную спонтанно, выражая не только узкогрупповые интересы

²⁶⁵ Материалы заседания научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. 2012. №3. С. 16

²⁶⁶ Яницкий О.Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // Общественные науки и современность. 2012. №3. С. 61

²⁶⁷ Материалы заседания научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. 2012. №3. С. 38

²⁶⁸ Там же, с. 16

²⁶⁹ Ксенофонтова И.В. Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения. 2012. №3. С. 116

²⁷⁰ Фомин И.А. Системный кризис требует системных методов изучения // Мониторинг общественного мнения. 2012. №4. С. 58

меньшинства, а получая негласную легитимность со стороны «молчаливого большинства»²⁷¹. Очевидно, однако, что это некая пусть и эфемерная, ситуативная система ценностей вступает в борьбу с транслируемой со стороны политического класса имитационной ценностной системой.

На сегодняшний день существуют различные попытки классификаций общественной активности. Е. Ш. Гонтмахер классифицирует инициативы по концентрации на следующих проблемах:

- экология;
- жилищная сфера;
- помощь социально неблагополучным группам;
- защита широкого круга социально-экономических прав;
- самозащита бизнеса;
- нарушение прав в сфере образования;
- нарушение прав в сфере здравоохранения;
- борьба за сохранение национальной культуры;
- нарушение прав автомобилистов²⁷².

Е. Ш. Гонтмахер использует термин «новые неформалы», определяя их через мотивационный критерий. Мотивации, заставляющие людей объединяться в новые неформальные сообщества могут быть отнесены к двум группам: попытки государства или мошенников отнять личную собственность; активное личное сочувствие и сопереживание с попираемым общественным интересом²⁷³.

И. А. Халий, характеризуя мотивационный аспект общественных инициатив, говорит о том, что костяк современных российских НПО составляют объединения людей на добровольной основе с целью разрешения конкретной

²⁷¹ Материалы заседания научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. 2012. №3. С. 45

²⁷² Гонтмахер Е.Ш. Общественные объединения нового типа: анализ и перспективы дальнейшего развития. М., 2008. С. 11

²⁷³ Там же, с.43

проблемы, во-первых, и тех, чья самоидентификация опирается на близость ценностных ориентаций и установок, во-вторых²⁷⁴.

Еще одна типология тесно связана с географическим фактором и «пиковыми событиями», происходящими в последние 6 лет. На карте гражданской активности²⁷⁵ обозначена активность граждан в региональном разрезе и приведена типология общественных инициатив²⁷⁶. Они подразделяются на следующие:

- экология;
- архитектура;
- права автомобилистов;
- ЖКХ и права дольщиков;
- образование и здравоохранение;
- трудовые протесты.

В масштабном исследовании, проведенном К. Клеман, О. Мирясовой, А. Демидовым, описывается активизация гражданских инициатив с точки зрения изменяющихся фреймов, способствующих трансформации обывателя в активиста. Среди главных условий, способствующих началу активизации индивида, мы выделили следующие: столкновение с явной несправедливостью, формирование команды единомышленников, эмоциональный заряд, изменение взгляда на себя и других, первые ощутимые результаты деятельности²⁷⁷.

Особую роль малых форм в осуществлении модернизации в России отмечает А. А. Аузан. По его мнению, сейчас для осуществления модернизации можно совершать прорывы там, где речь идет о малых сериях, штучной работе, и это могут быть предметы мирового класса²⁷⁸.

²⁷⁴ Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007. С. 70

²⁷⁵ URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/05/28/society/562949983957551>

²⁷⁶ Там же

²⁷⁷ Клеман К. От обывателей к активистам : зарождающиеся социальные движения в современной России / К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов ; вступ. ст. М. Шевченко. М., 2010. С. 632

²⁷⁸ Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации // Мир России. 2012. №3. С. 52

Основываясь на проведенном анализе субъектов модернизации современной России, необходимо отметить следующее. На сегодняшний день в России существуют локальные проявления самоорганизации, выраженные либо в виде инициатив населения конкретных территорий, либо в единичных формах самоорганизации. Отсюда неустойчивый и точечный характер проявлений модернизации, что, однако, не подразумевает неспособности превращения этих локусов и субъектов в основания более устойчивых социально-экономических преобразований. В последнее время многие формы самоорганизации стали проявляться с достаточной регулярностью. К примеру, заметно возросла протестная активность, мобилизация «против» существующей идейно-ценностной системы транслируемой политическим классом. В результате чего происходит кооперирование и борьба различных форм гражданской активности, целью которой является формирование альтернативных форм общественной жизни. Тем самым в социальном пространстве происходит столкновение двух противоположных форм: архаичных, которые устойчиво воспроизводит и закрепляет как абсолютный политический класс, и инновационных, которые воспроизводит социум в результате самоорганизации.

При характеристике субъектов модернизации было выделено три типа поведения субъектов модернизации: адаптационное, реформистское и модернизационное. Проведенный анализ показал, что все три типа на данный момент представлены в российском обществе различными субъектами. Некоторые из них определяются неявно и носят промежуточный характер.

Опираясь на различные модели гражданской активности, представленные рядом отечественных исследователей, можно разделить их на активность, определяемую конкретной проблемой или проектом (экологической, экономической, социальной), и на активность, связанную с предпринимательской деятельностью.

Большинство отечественных исследователей модернизации склоняются к социокультурной модели модернизации как более эффективной в условиях современной России. Поскольку именно запрос на новые смыслы, идеи, ценностные ориентиры становится актуальным сегодня, он воспроизводится различными социальными группами через проявления различных форм самоорганизации.

Особое значение в условиях трансформаций приобретает роль экспертного мнения. В обществе наравне с экспертными сообществами возникает сообщество «гражданских экспертов». И здесь важны два аспекта: во-первых, усиление позиций и определение рамок действия экспертных сообществ для формирования альтернативных взглядов и оценок на социально-экономическую ситуацию в современной России; во-вторых, «гражданский эксперт» возникает не только по причине лидерства и получения легитимности действий со стороны коллег «по цеху», но он также появляется и по причине неудовлетворительного поведения или бездействия институтов, должных обслуживать определенные социально-экономические практики. Тем самым деятельность «гражданского эксперта» заполняет «пространство разрыва», нарастающее между государственными институтами, с одной стороны, и обществом, с другой. Таким образом, вполне возможен диалог между двумя сообществами, построенный на поиске внутренних резервов самоорганизации и альтернатив.

Разнообразные проявления активности субъектов социальных изменений свидетельствуют о еще нераскрытом потенциале самоорганизации российского социума. На данный момент происходит постоянный поиск и формирование адекватных, востребованных моделей и образцов поведения, форм самоорганизованности, проявлений гражданской активности. В результате отсутствия конструктивного диалога с политическим классом социум через проявления гражданской активности уходит в пространство самодостаточности, увеличивая пространство отдаленности между институтами государственной власти и общественностью. Однако насколько этот процесс несет в себе эволюционный характер, можно будет уверенно

судить по прошествии некоторого времени. Но на сегодняшнем этапе трансформации в российском обществе присутствуют необходимые социальные силы – субъекты, которые производят обновление на собственной органичной основе.

Таким образом, мы можем заключить, что процессы модернизации, происходившие в российской истории, в большей степени определяются как мобилизационные модернизации, однако существовали периоды, когда происходили процессы, в которых наиболее ярко проявились условия для реализации проекта органичной модернизации. Следовательно, возникает необходимость продолжения поиска проекта эффективного развития российского общества, одним из которых может стать проект его органичной модернизации. Противоречивость реализации проекта российской модернизации проявилась в неустойчивом балансе между органичностью и мобилизацией. В результате сложился такой баланс, который повлиял на выбор проекта модернизации. На протяжении исторического развития России XVII – XX вв. доминировал мобилизационный вид модернизации. Однако на сегодняшний день для современного российского общества не перестает быть актуальным проект органичной модернизации как потенциально возможный способ развития российского социума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были обоснованы и сформулированы исходные положения концептуальной модели органичной модернизации. Нами были обнаружены внутренние механизмы и социальные силы общества как способствующие, так и препятствующие процессу модернизации. Было выявлено, что тот или иной вид модернизации определяется характером взаимоотношений между субъектами модернизации с точки зрения возможности раскрытия их потенциала в данный период времени. Следовательно, в модернизируемом обществе возможны два варианта развития: органичный способ и мобилизационный. Также была дана авторская версия понятия «органичная модернизация». В результате анализа была проведена экспликация понятия «органичная модернизация», благодаря чему удалось дать ему определение, что обеспечивает выявление сущностных характеристик этого вида социальной трансформации. Также автором был введен ряд необходимых понятий, который позволяет вскрыть характеристики органичной модернизации: целостная система, органичное целое, потенциальные и актуальные субъекты модернизации, адаптационные субъекты, модернизационные субъекты, адаптационное поведение, реформистское поведение, модернизационное поведение.

Результаты, полученные исследователем, могут быть отражены в следующих выводах:

1. Была проведена экспликация понятия «модернизация», в результате чего был выделен ряд характеристик данного вида социального изменения. Установлено, что эти характеристики присущи всем модернизациям. В результате

анализа теорий модернизации также были выявлены два вида модернизации общества: «мобилизационная модернизация» и «органичная модернизация».

2. Социальные силы и субъекты в процессе органичной модернизации реализуют особые тактики и модели поведения для раскрытия своего потенциала. Органичная модернизация является результатом процесса саморазвития общества и качественных его изменений, зависящих как от взаимодействия с внешней средой, так и от возможности раскрытия внутреннего потенциала. Причем внутренняя активность социальных субъектов как результат качественных изменений внутри социума является основой для осуществления органичного процесса модернизации.

3. На основании сравнительно-исторического анализа типичных образцов модернизаций в различных странах в определенные периоды была доказана возможность существования двух видов взаимодействия социальных сил в процессе модернизации: в период органичной модернизации это динамичный симбиоз и синтез социальных субъектов, а в период мобилизационной модернизации – конфликтный симбиоз социальных субъектов, что позволяет понять степень готовности и фактическое использование внутреннего потенциала общества.

4. Автором установлено, что субъекты модернизации в период XVII-XX вв. могут быть разделены на два типа: адаптационные и модернизационные, что определяется способом реализации их практик, которые либо сдерживают внутреннее развитие многообразных форм самоорганизации, либо способствуют их развитию и реализации.

5. В результате проведенного анализа современного российского общества было выявлено, что субъекты органичной модернизации присутствуют в нем как нереализованный потенциал, а также имеют локальный характер. В настоящее время выявленные субъекты могут быть отнесены к нескольким типам, исходя из стратегий их поведения в социуме.

В результате проведенного исследования нам удалось выявить специфические черты органичной модернизации, ее социальных субъектов и

условия их формирования, что позволит в будущем, во-первых, достаточно точно «диагностировать» состояние общества на предмет наличия потенциала модернизации, во-вторых, наиболее четко и эффективно использовать эндогенный потенциал общества, находящегося на стадии модернизации. Также нам удалось объяснить механизм появления органичной модернизации. Таким образом, открылась перспектива для лучшего понимания важности взаимодействия различных социальных сил в процессе модернизации, поскольку именно от возможности их кооперации или конкуренции в процессе модернизации зависит, будет ли она органичной или мобилизационной.

Итогом проведенного исследования можно назвать построение оснований концепции органичной модернизации. Основу концепции составляет разработанный нами метод построения данной концепции. Он заключается в выявлении механизма становления органичной модернизации с использованием описания и анализа процессов самоорганизации посредством акцентирования внимания на субъектах и социальных силах модернизации.

Перспективы использования разработанных оснований концепции органичной модернизации заключаются в возможности использования разработанного в диссертации подхода к интерпретациям социальных трансформаций в обществах на стадии модернизации, а также фокусирования внимания, прежде всего, на внутренних факторах развития с учетом фактора активной включенности «субъекта» в процесс социальных изменений.

Полученные результаты могут быть использованы в разработке оптимальных планов стратегического развития модернизируемых обществ, что особенно актуально для современной ситуации в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеч. Родов. – М.: Современник, 1995. – 478 с.
2. Аверкиев И. Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года: гражданские смыслы и результаты [Электронный ресурс] / И. Аверкиев, В. Бедерсон., Е. Першакова. – Режим доступа: <http://www.pgpalata.ru/actual/0023>
3. Авторский каталог: Союзы и ассоциации в сфере науки и культуры, образования и бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://org.nauki-online.ru/associacii-uchenykh#ego1>
4. Анисимов Е.В. Время петровских реформ XVIII в., 1-я четверть / Е.В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 495 с.
5. Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы / Е.В. Анисимов. – СПб.: Питер, 2009. – 446 с.
6. Антонова К. А. История Индии: краткий очерк / К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. – М.: Мысль, 1973. – 558 с.
7. Анфимов А.Н. Столыпин П.А. и российское крестьянство / А.Н. Анфимов – М.: ИРИ РАН, 2002. – 300 с.
8. Баткин Л.М. Стань Европой / Л.М. Баткин // Век XX и мир. – 1988. – №8. – С. 32–33.
9. Белякова Г.Я. Формирование методологической платформы модернизации: проблема подмены понятий модернизация и инновационное развитие / Г.Я Белякова, Л.Р. Батукова // Креативная экономика. – 2011. – №1 (49). – С. 10–16.
10. Богословский М. Петр Великий и его реформа / М. Богословский – М.: Центр. т-во "Кооперативное изд-во", 1920. – 117 с.

11. Бородай Ю.М. Третий путь / Ю.М. Бородай // Наш современник. - №9. - 1991. - С.130–147
12. Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.) / М.В. Брянцев. – М.: Моск. пед. гос. ун-т. «Спутник», 2000. – 96 с.
13. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 480 с.
14. Васина Л.Л. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика / Л.Л. Васина, В.П. Гутник, Б.Е. Зарицкий, А.Ю. Чепуренко; общ. ред. А.Ю. Чепуренко. – М.: РОССПЭН, 2001. – 207 с.
15. Верт Н. История советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
16. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 334 с.
17. Виртшафтер Эллис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской Империи / Эллис К. Виртшафтер. – М.: Логос, 2002. – 271 с.
18. Власова О. Американская идея от рассвета до заката / О. Власова // Эксперт. Специальный выпуск. История мировых модернизаций. –28 декабря-10 января 2010. – №1 (687). – С.49–53
19. Возможна ли модернизация в России? (Материалы круглого стола) // Мир России. – 2008. – № 2. – С. 69–91.
20. Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта / Ю.Г. Волков // Россия реформирующаяся: ежегодник / редкол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 43–60.
21. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит / С.Н. Гавров. – М.: МГУДТ, 2010. – 268 с.
22. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия природы / Г.В.Ф. Гегель. – М.: 1975. – 2 т. – 696 с.

23. Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского Модерна / А.Г. Глинчикова // Мир России. – 2009. – №4. – С. 66–88.
24. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – нач. XX в.в. / А.В. Гоголевский. – СПб.: СПбУ, 1996. – С. 47–48.
25. Гонтмахер Е.Ш. Общественные объединения нового типа: анализ и перспективы дальнейшего развития / Е.Ш. Гонтмахер. – М.: ИЭ, 2008. – 71 с.
26. Гордон Л.А. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.
27. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2010. – №12. – С. 30–41.
28. Готово ли российское общество к модернизации?: Аналитический доклад / Подг. в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Эберта в РФ; ИС РАН. – М.: ИС РАН, 2010. – 179 с.
29. Гуань Хайтин Дискуссии в Китае 1930-х годов о путях модернизации страны / Гуань Хайтин // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – №6. – С. 110–117.
30. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч.1 / В. П. Данилов; сост. – М.: РОССПЭН, 2011. – 863 с.
31. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса / Г.Г. Дилигенский. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
32. Дом разделенный. США накануне Гражданской войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://america-xix.org.ru/>
33. Егер В. Социальные изменения в социологических теориях современности / В. Егер, Х.-И. Майер. – Смоленск: СмолГУ, 2007. – 236 с.
34. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
35. Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2011. – №3. – С.13–25.

36. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой / Т.И. Заславская // Иного не дано: 1 Сб. ст. / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – 675 с.
37. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: (начало 30-х гг.) / Н.А. Ивницкий. – М.: Интерпракс, 1994. – 269 с.
38. Игнатъев В.И. Системно-генетическая динамика социума: монография / В.И. Игнатъев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 296 с.
39. Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер; под ред. Ильина В.В. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 399 с.
40. Иноземцев Л.В. Прорабы модернизации [Электронный ресурс] / Л.В. Иноземцев // Известия. – 19 октября 2010. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/367176>
41. Исаков Л.А. Не только Эрхард, или Исторические основания социально-рыночного хозяйства ФРГ / Л.А. Исаков // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – С.161–165.
42. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т.3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в.-1861 г.) / Институт российской истории РАН, Институт этнологии и антропологии РАН; Редкол.: Отв.ред. В.И. Буганов. – Москва: Наука, 1993. – 664 с.
43. История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX - начало XX века / Бовыкин В.И., Гавлин М.Л., Епифанова Л.М.; Ин-т рос. истории. – М.: РОССПЭН, 2000. – 575 с.
44. Казаринов М.Ю. Детерминизм в сложных системах управления и самоорганизации / М.Ю. Казаринов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 168 с.
45. Каменский А.Б. От Петра до Павла: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 1999. – 575 с.

46. Каменский А.Н. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация / А.Н. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 326 с.
47. Кармадонов О.А. Очередная управляемая модернизация России: проблема субъекта и адресата / О.А. Кармадонов // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. - Иркутск. - 2014. - С. 45–53
48. Кармадонов О.А. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984-2011 г.г.) : коллективная монография / О.А. Кармадонов [и др.] ; науч. ред. О.А. Кармадонов, В.А. Решетников. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 345 с.
49. Керов В.В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в конце XVIII – XIX вв. / В.В. Керов. – М.:ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. – 658 с.
50. Клеман К. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России / К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов; [вступ. ст. М. Шевченко]. – М.: Три квадрата, 2010. – 687 с.
51. Козловский В.В. Модернизация: от равенства к свободе: монография / В.В. Козловский, А.И. Уткин, В.Г. Федотова. – СПб. : СПбУ, 1995. – 279 с.
52. Королева С.И. Торговое сословие России / С.И. Королева. – М.: типография Профиздат, 1998. – 256 с.
53. Кравченко И.И. Модернизация сегодняшней России / И.И. Кравченко // Этантистские модели модернизации / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. - Москва: ИФРАН, 2002. – С. 6–30
54. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография / С.А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.
55. Кредер А.А. Американская буржуазия и «новый курс», 1933-1940 / А.А. Кредер. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та., 1988. – 198 с.

56. Ксенофонтова И.В. Роль интернета в развитии протестного движения / И.В. Ксенофонтова // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №3 (109) Май-июнь. – С.114–116.
57. Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – нач. XX в. / О.А. Кудинов. – М.: Социум, 2000. – 131 с.
58. Кузык Б.Н. Как успешно реализовать стратегию инновационного развития России / Б.Н. Кузык // Мир России. – 2009. – №4. – С. 3–18.
59. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В.П. Кузьмин. – М. : Политиздат, 1986. – 399 с.
60. Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации: (материалы Диспут-клуба) // Мир России. – 2012. – №3. – С.41–64.
61. Куропятник Г.П. Гражданская война в Северной Америке 1861-1865 / Г.П. Куропятник. – М.: Наука, 2009. – 354 с.
62. Ландау Г. Антиномии органичности / Г. Ландау // Вопросы философии. – 2011. – №3. – С.109–121.
63. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – №9. – С. 3–18.
64. Лапин Н.И. Человеческое лицо модернизации / Н.И. Лапин // Человек. – 2011. – №6. – С. 5–18.
65. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений / В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО, 2012. – 140 с.
66. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии / В.А. Лепехин // Общественные науки и современность. – 1999. – №1. – С.66–82.
67. Люстрицкий Д. Темная лошадка на пастбищах интернета / Д. Люстрицкий // Эксперт-Сибирь. – 2012. – №10 (323). – С. 20–22.
68. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония. От сегуната Токугавы - в XXI век / Джеймс Л. Мак-Клейн; пер. с англ. Е. А. Красулина. – М.: АСТ : Астрель, 2011. – 895 с.

69. Малыгин С.В. Экономика и социальное развитие Индии и Пакистана в период независимости / С.В. Малыгин. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 175 с.
70. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века / В.Л. Мальков. – М.: Наука, 2004. – 604 с.
71. Маляров О.В. Экономическая реформа в Индии / О.В. Маляров. – М.: ИВ РАН, 2007. – 75 с.
72. Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / А. Мартинелли; [пер. с англ. А. В. Резаева]. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 227 с.
73. Масловский, М.В. Современные теории модерна и модернизации / М.В. Масловский // Социологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 31–44.
74. Материалы заседания научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №3 (109) Май-июнь. – С.14–46.
75. Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2012. – №2. – С. 3–17.
76. Межрегиональная общественная организация «Федерация Автовладельцев России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.autofed.ru/>
77. Мейси Давид А. Дж. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация / Давиж А. Дж. Мейси // Россия сельская. XIX-начало XX века: Сб. ст. / отв. ред. А. П. Корелин. – М. : Росспэн, 2004. – 368 с.
78. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис Рипол Классик, 2009. – 736 с.
79. Миклин А.М. Категория развития в марксистской диалектике / А.М. Миклин, В.А. Подольский. – М.: «Мысль», 1980. – 166 с.

80. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупных земельных собственников конца XIX века – начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства / Л.П. Минарик. – М.: «Сов. Россия», 1971. – 143 с.
81. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б.Н. Миронов. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.
82. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.) в 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – 548 с.
83. Модернизация: зарубежный опыт и Россия: монография / В.А. Красильщиков, В.П. Гутник, В.И. Кузнецов, А.Р. Белоусов. – М.: ИНФОМАРТ, 1994. – 115 с.
84. Муромцева З.А. Китайская народная республика: путь к индустриализации нового типа / З.А. Муромцева. - М.: ИДВ РАН, 2009. – 263 с.
85. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Н.Ф. Наумова; под ред. В.Н. Садовского, В.А. Ядова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 176 с.
86. Невинс А. История США: От англ. колонии до мировой державы / А. Невинс, Г. Коммаджер. – Нью-Йорк: Телекс, 1991. – 441 с.
87. Нехайчук Ю. Гражданская активность на карте России [Электронный ресурс] / Ю Нехайчук // РБК-daily. – 28.05.2012 – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2012/05/28/society/562949983957551>
88. Норман Г. Становление капиталистической Японии. Экон.и политические проблемы периода Мэйдзи / Г. Норман; сокр. пер. с англ. П.П. Топеха Ред и предисл. Чл.-корр. АН СССР Е.М. Жукова. – М. : Изд. иностр. лит., 1952. – 231 с.
89. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – М. : Оникс-Лит : Мир и образование, 2012. – 1375 с.
90. Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765-1917: Историко-экономический очерк / В.В. Орешкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 195 с.

91. Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия / И.Б. Орлова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 190 с.
92. Официальный сайт движения Народный собор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/about/ns/news/5893-russkij-obraz-budushhego-krupnye-shtrixi#.VONuyS4tHLU>
93. Павленко Н.И. Екатерина Великая / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 493 с.
94. Павленко Н.И. Птенцы гнезда петрова / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1994. – 398 с.
95. Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения / Л.А. Петрушенко. – М.: Мысль, 1975. – 286 с.
96. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2012. – №1. – С.48–60.
97. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1986. – 268 с.
98. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ч3. [Электронный ресурс] / С.Ф. Платонов. – Режим доступа: http://www.originweb.info/education/russian_history/platonov/ch3s11p03.html
99. Плискевич М. «Третий» путь, которым мы уже прошли / М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 1999. – №6. – С.107–116.
100. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы [Электронный ресурс] // Экономическая история. Обзорение / И.В. Побережников; под ред. Л.И.Бородкина. – 2002. – Вып. 8. – С.146–168. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>
101. Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии / Н.Л. Полякова // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – №4. – С. 67–81.
102. Полянский Ф.Я. Накопление первоначального капитала в России / Ф.Я. Полянский. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 416 с.

103. Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколения / И. Пригожин // Наука и жизнь. – 2002. – №11. – С. 4–9.
104. Рубченко М. Ура, у них депрессия! / М. Рубченко // Эксперт. Специальный выпуск. История мировых модернизаций. –28 декабря-10 января 2010. – №1 (687). – С. 34–41.
105. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850-1880 гг. / П.Г. Рындзюнский. – М.: Наука, 1978. – 295 с.
106. Самоорганизация в природе и обществе: философско-методологические очерки / В.Н. Михайловский, В.А. Кайдалов, А.И. Уемов, М.И. Михайловская. – СПб. : Наука, 1994. – 129 с.
107. Селюнин В. Лукавая цифра / В. Селюнин, Г. Ханин // Новый мир. – 1987. – №2. – С. 181– 201.
108. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации / М.И. Сетров. – Ленинград: «Наука», 1972. – 164 с.
109. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2012. – №1. – С. 37– 47.
110. Словарь философских терминов: монография / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 729 с.
111. Смирнов С. Н. Российская бюрократия и ее роль в процессах модернизации / С.Н. Смирнов // Мир России. – 2009. – № 4. – С. 115–139.
112. Собственность на землю в России: история и современность / под общ. ред. Аяцкова Д.Ф. – М.: Росспэн, 2002. – 591 с.
113. Солженицын А. Как нам обустроить Россию. [Электронный ресурс] / А. Солженицын. - Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt
114. Социальная сеть дольщиков [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.odnodolshiki.ru/>
115. Социальная философия: словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – Екатеринбург: Деловая кн.; М.: Акад. проект, 2006. – 649 с.

116. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. общ.-науч. фонд; гл. ред. В. Н. Иванов, рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – 694 с. – Т. 1.
117. Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. (Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран) / Б.С. Старостин. – Москва: Политиздат, 1981 – 183 с.
118. Сумленный С. Создавая Германию / С. Сумленный // Эксперт. Специальный выпуск. Всемирная история модернизаций. – 28 декабря – 10 января 2010. – №10 (687) – С. 67–73.
119. Сущенко А.В. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации. Сер. XIX в.–XX в. / А.В. Сущенко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. – 404 с.
120. Тамак В.А. Модернизация - 2012 / В.А. Тамак. – М.: Типография «Новости», 2010. – 248 с.
121. Терехов В.С. Рекруты великой идеи: технические специалисты в период сталинской модернизации / В. С. Терехов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 243 с.
122. Тихонова Е.Н. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации / Е.Н. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2006. – №1. – С. 33–45.
123. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России. (Опыт эмпирического анализа) / Е.Н. Тихонова // Общественные науки и современность. Статья 2. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
124. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России. (Опыт эмпирического анализа) / Е.Н. Тихонова // Общественные науки и современность. Статья 1. – 2008. – № 3. – С.5–23.
125. Травин Д. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1 / Д. Травин, О. Маргания. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб Terra Fantastica, 2004. – 665 с.
126. Традиции и опыт российского предпринимательства: История и современность: Сб. науч. трудов. – М.; Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. – 190 с.

127. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии / С.М Троицкий. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 395 с.
128. Трубицын Д.В. Модернизация России и стран Востока: опыт философской интерпретации / Д.В. Троицкий. – Новосибирск: Наука, 2010. – 367 с.
129. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.
130. Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. – 2010. – №10 – С. 3–16.
131. Феофанов К.А. «Двойная реальность» как российский цивилизационный синдром / К.А. Феофанов // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №3. – С. 107–124.
132. Феофанов К.А. Цивилизационные основы российской модернизации / К.А. Феофанов. – М.: ФГБОУ ВПО МГТУ "СТАНКИН", 2012. – 125 с.
133. Философский словарь / под ред. Фролова И.Т. – М.: Республика, Современник, 2009. – 846 с.
134. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. – 570 с.
135. Фомин И.А. Системный кризис требует системных методов изучения / И.А. Фомин // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №4 (110) Июль-август. – С. 57–60.
136. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И.А. Халий. – М.: ИС, 2007. – 296 с.
137. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
138. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
139. Хиценко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения / В.Е. Хиценко. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
140. Цапф В. Теория модернизации и различия путей общественного развития / В. Цапф // Социологические исследования. –1988. – №8. – С. 14–26.

141. Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / С. Шаттенберг; [пер. с нем.]. – М.: РОССПЭН: Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011. – 477 с.
142. Шеллинг Ф.И.Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1 / Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – 637с.
143. Шохина Е. Рожденные кризисом / Е. Шохина // Эксперт. – 16 января 2012-22 января 2012. – № 2 (785). – С. 54–59.
144. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
145. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
146. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
147. Энциклопедический словарь. Т. 58. Семь озер - Симфония: репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон 1890 г. – М.: ТЕРРА-TERRA, 1992. – 954 с.
148. Этносоциальная ситуация в Индии и СССР: Сборник статей Индийско-советского семинара / отв. ред. Сингх К.С., Куценков А.А., Семашко И.М. – Ленинград, 1990. – М.: РАН (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая), 1993. – 250 с.
149. Южаков В.Н. Организация процесса развития. Объективные закономерности, познание и управление / В.Н. Южаков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. – 158 с.
150. Явлинский Г.А. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) / Г.А. Явлинский, А.В. Космынин // Мир России. – 2011. – №2. – С. 3–32.
151. Яник А.А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985-1999) / А. А. Яник; Фонд соврем. истории. – М.: Изд-во Моск. ун-та: ФСИ, 2012. – 236 с.

152. Яницкий О.Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // *Общественные науки и современность*. – 2012. – №3. – С. 58–68.
153. Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект / О.Н. Яницкий // *Социологические исследования*. – 2011. – №5. – С. 136–145.
154. Яницкий О.Н. Модернизация, концепции реформ и социальные реалии / О.Н. Яницкий // *Россия реформирующаяся: ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии; редкол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др.* – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 124–139.
155. Apter David E. *The politics of modernization* / David E. Apter. – Chicago [u.a.] : Univ. of Chicago Press, 1967. – 481 p.
156. Bendix R. *Tradition and modernity reconsidered* / R. Bendix // *Comparative studies in society and history*. – Hague. – 1967. – Vol. 9, № 1. – P. 292-346.
157. Berghahn R. *Volker Recasting Bourgeois Germany* / V. R. Berghahn // *The Miracle years. A cultural history of West Germany, 1949 – 1968.* / Ed.: by H. Schissler. – Princeton [u.a.]: Princeton Univ. Press, 2001. – 498 p.
158. Buchowski M. *Rethinking transformation: an anthropological perspective on post-socialism* / M. Buchowski. – Poznań: Wydawnictwo Humaniora, 2001. – 216 p.
159. Cadier D. *Can civil society play a role in foreign policy? Societal groups in the Czech Republic* / D. Cadier; ed. by S. Fischer, H. Pleines / *Civil society in Central and Eastern Europe*. – Stuttgart: Ibidem-Verl., 2010. – 174 p.
160. Eisenstadt Sh.N. *Modernization: protest and change* / Sh. N. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1966. – 166 p.
161. Grødeland Åse B. *Informal Practice, Cultural Capital and Politics in the Czech Republic, Slovenia, Bulgaria and Romania* / Åse B. Grødeland // *State and society in Post-Socialist Economies* / J. Pickles. – Basingstoke [u.a.]: Palgrave Macmillan, 2008. – 281 p.
162. Kostecki W. *Transformation of post-communist states* / W. Kostecki. – Basingstoke [u.a.] : Macmillan, 2000. – 309 p.
163. Lerner D. *The passing of traditional society: modernizing the Middle East* / D. Lerner. – New York: Free Press, 1965. – 466 p.

164. Levy Marion J. *Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs*: in II vol. / Marion J. Levy. – Princeton: Princeton University Press, 1966.
165. Moore B. *Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of modern world* / B. Moore. – Boston: Beacon press, 1967. – 559 p.
166. Mudde C. *Civil society in post-communist Europe. Lessons from the “dark side”* / C. Mudde // *Uncivil society? Contentious politics in post-communist Europe*. – London [u.a.], Routledge, 2003. – 188 p.
167. Myant Martin R. *Transition economies. Political economy in Russia, Eastern Europe, and Central Asia* / Martin R. Myant. – Hoboken: John Wiley & Sons, cop., 2011. – 391 p.
168. O’Connell J. *The Concept of modernization* / James O’Connell // *Comparative Modernization: A Reader*. / edited by C.E. Black – New York, London: The Free Press, 1976. – P. 13-24.
169. Peoples Clayton D. *Consistency in the Midst of Change: Class and Value Stability in Poland. 1998-2003* // *Comparative Sociology*. – 2011. – №10. – P. 126-144.
170. Perkins J. *Restoration and Renewal? West Germany since 1945* / J. Perkins // *Contemporary European History*. – 1999. – Vol. 8. – P. 487-497.
171. Spohn W. *Transformation process, Modernization Patterns, and Collective Identities: Democratization, Nationalism, and Religion in Postcommunist Germany, Poland and Russia* / W. Spohn // *Postcommunist Transformation and the Social Sciences: cross-disciplinary approaches* / Ed.: by F. Bönker, K. Müller, A. Pickel. – Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2002. – 296 p.
172. Timberlake Charles E. *The zemstvo and the development of a Russian middle class* / Charles E. Timberlake // *Between Tsar and people: educated society and the quest for public identity in late imperial Russia*. – Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1991. – 383 p.
173. Tiryakian E.A. *Modernization in Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* / E.A. Tiryakian // *Social change and Modernization: lessons from the Eastern Europe* / B. Grancielly. – Berlin; New York: de Gruyter, 1995. – P. 249-264.

174. Vajdova Z. Local community transformation: The Czech Republic 1990-2000 / Z. Vajdova // Local communities and post-communist transformation. – London [u.a.] : RoutledgeCurzon, 2003. – 223 p.